

И НА
ИСХОДЕ
ДНЯ

НИКА ЁРШ

Ника Ёрш

И на исходе дня...

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33388232
SelfPub;

Аннотация

В шумной столице загадочный некромант ставит жестокие эксперименты на людях, подвергая их мучительной смерти. Правительство старательно скрывает это, не желая паники среди населения. Ольга Кир, не подозревающая об опасности, становится очередной жертвой преступника. Роковая встреча девушки и безжалостного убийцы предначертана самой судьбой, вот только заканчивается она весьма неожиданно, ломая безупречную систему нападений и полностью меняя ход дальнейших событий. Теперь жизнь Ольги зависит от скрытного следователя, и мир откроется ей совсем с иной стороны.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	40
ГЛАВА 3	74
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Ника Ёрш

И на исходе дня...

Глава 1

«Таинственные убийства молодых женщин в Зее продолжаются!!!»

...На прошедших выходных столицу Мифистория, Зею, потрясли два новых убийства: молодых девушек, адептов одного из лучших университетов города, нашли в заброшенном здании ночного клуба с символичным названием «Лестница к небесным блаженствам». Сегодня стало известно о новом происшествии: гибель двух женщин, занимавших важные государственные посты, пока не подтверждена; однако, как сообщает наш источник, все преступления объединены органами правопорядка в одну серию.

Имена жертв пока не распространяются, но доподлинно известно о том, что все убитые имели огромный магический потенциал.

Следственные органы продолжают хранить молчание, игнорируя настойчивые вопросы прессы.

Видимо, подозреваемых у министерства по магическим преступлениям по-прежнему нет! Если кто-то владеет информацией о данных происшествиях, просим вас немедленно обратиться в наш еженедельник по указанному ниже номеру тачфона. Вознаграждение гарантировано!..

– Это ужасно! – Я прекратила читать вслух, отложила газету и взялась за чашку с остывшим чаем. Сделав несколько жадных глотков, подняла глаза на сексуального молодого брюнета, расположившегося у окна, и поинтересовалась: – Мирос, ты в курсе событий? Что это за история с убийствами? Неужели правда?

– Не бери в голову, – ответил он, пожимая широкими плечами. – Там еще разобраться нужно, что к чему. А журналисты уже лезут всюду, суют свои носы. Видимо, редакторы этой бурды совсем страх потеряли, печатают чушь!

– Хочешь сказать, они раздувают панику на пустом месте, и жертв вовсе не было? – с надеждой переспросила я. – А как же пропавшие?

– Какие пропавшие, Оля? – голос Мироса зазвучал раздраженно. – Хоть одно имя назови?

– Что ж, тебе я верю.

Мирос бросил на меня настороженный взгляд и замаялся перед тем, как ответить. Его полные губы недовольно скривились, а между темными бровями залегла глубокая морщинка.

– Ты же знаешь, как я отношусь к разговорам о своей работе, – в конце концов бросил он. Пересев за стол рядом со мной, Мирос небрежно отодвинул газету и добавил со значением: – Следственные органы непременно со всем разберутся, Оля, а ты не читай эту пургу. И вообще, я задержал тебя сегодня вовсе не для того, чтобы обсуждать бульварную прессу.

Моментально забыв неприятную тему, я открыто улыбнулась любимому, и, взяв его за руку, замерла в ожидании дальнейших объяснений.

Перед моим мысленным взором медленно проплыли обрывки воспоминаний о нашем знакомстве. Это было два года назад. Тогда Мирос так упорствовал в ухаживаниях, что пришлось отвергнуть намного более эффектных поклонников. Он обещал звезды с неба, клялся сделать все для моего счастья. И делал. Много работал, баловал. А ровно год назад мы переехали в эту квартиру. Так что сегодня пришло время первого, можно сказать, семейного уже праздника. И меня ждал шикарный подарок!

О да, я знала, что именно Мирос подарит на годовщину проживания в Зее. Все просто: мой будущий муж неосмотрительно спрятал потрясающее платиновое колечко в ящик комода прямо между своими нижним бельем и носками, прикрыв секретик тремя чистыми полотенцами. Спрашивается, с чего бы ему перекладывать полотенца с положенного места?

В общем, подарок был найден мной еще за неделю до даты. А затем и примерен. И одобрен лучшей подругой, Милкой. Мы созвонились по видеосвязи...

– Оля, – вырвал меня из воспоминаний Мирос, – тут такое дело...

Он с самого утра вел себя необычно: избегал встречаться со мной взглядами, попросил задержаться перед уходом на работу буквально на полчаса и даже сам приготовил завтрак. Правда, яичница сгорела, но зато пакетированный чай заварился очень хорошо...

– Оля, – повторил Мирос, после чего попытался высвободить руки из моего нежного захвата.

Не вышло. Я хотела дать ему понять, что полностью и во всем поддерживаю. Потому сжала смуглые пальцы сильнее и одобрительно кивнула.

Как-то обреченно вздохнув, он продолжил:

– Оленька... Ольга.

– Да-да, – подбодрила я замолчавшего на полуслове возлюбленного, мысленно перебирая в уме список гостей, которых собиралась пригласить на свадьбу со своей стороны.

Их будет немного, человек двадцать-тридцать. Только самые близкие. Ну и несколько троюродных теток. Наконец-то они перестанут пытаться меня при встрече одними и теми же вопросами: «Ты еще не вышла замуж? Как же так? Чего же вы ждете? Старости?»

На торжестве непременно будет дорогой ведущий и клик-

съёмка, чтобы потом пересматривать все важные события в режиме реального времени уже вместе с нашими замечательными детьми... Евой и Стефаном. Да, и это я продумала. Долгими одинокими вечерами, а иногда и ночами, пока Мирос истязал себя расследованиями магических преступлений, я ждала его дома и строила планы на совместное будущее. Будущее, которое вот-вот станет настоящим!

– Черт, не думал, что это будет так тяжело. – Мирос раздраженно цокнул языком и повел широкими плечами, словно пытаясь скинуть с них давящий на шею груз. – Короче, ты ведь умная девочка и сама все понимаешь.

Он бросил на меня полный отчаяния взгляд и уставился на газету. Я нахмурилась.

Конечно, мне были очевидны мотивы этого разговора, но додумывать предложение руки и сердца самостоятельно?! Увольте. Мне хотелось если не красивого жеста (вроде коленапреклонения, по классике), то хотя бы важных слов, от которых душа развернется...

Но всегда уверенный в себе и своих поступках, сегодня Мирос был прямой своей противоположностью. А я, как любая женщина, ждала куда более пламенной речи, необычного сюрприза, а не просьбы понять все без слов... Потому внутри начала закипать злость, так что пришлось приложить усилие, дабы оставаться внешне спокойной.

Слегка прикрыв глаза, я припомнила участившиеся в последние месяцы подарки, букеты цветов, кольцо на полке

опять-таки.

«Он просто напуган серьезностью нового этапа», – подумала я и тепло улыбнулась Миросу, показывая тем самым, что действительно все понимаю. Пусть не сомневается во мне.

– Котик, – я сжала руки любимого немного сильнее прежнего и преданно заглянула ему в глаза, – конечно, мне все очевидно, но хотелось бы услышать эти слова от тебя. Разве ты не понимаешь? Такое бывает раз в жизни. Нет, у кого-то и два... да и по десять...

Мирос сжал челюсти с такой силой, что я услышала скрип его зубов и замолчала. Устало вздохнув, он взъерошил волосы свободной рукой и посмотрел на меня странно, будто с укором.

Но в чем я виновата перед ним? Нет, правда, уж сказать три слова любой идиот способен! А Мирос таким никогда не был.

– Послушай, я не хочу на тебя давить, но время... – Я бросила красноречивый взгляд на часы и напоявила: – Еще немного, и опоздаю на работу. Если хочешь, мы отложим этот разговор до вечера. Я куплю бутылочку хорошего вина, надену кое-что классное и...

– Нет! Ну что за наказание?! – Мирос резко выдернул свою руку и вскочил, чем несказанно меня удивил.

Рванув к распахнутому настежь окну, он схватил с тумбочки пачку сигарет с зажигалкой, быстро закурил, и, лишь

спустя несколько жадных затяжек, продолжил намного спокойнее, чем раньше, но по-прежнему не глядя в мою сторону:

– Ну какое вино, Оля? Что нам с тобой отмечать? Мы расходимся! Или ты действительно веришь в дружбу после расставания? Я – нет.

Ответом ему была тишина, потому что я ненадолго онемела. И вообще потеряла связь с реальностью. Медленно, очень медленно, в мою голову, переполненную планами будущей свадьбы, подкрадывались на цыпочках непонятные слова, смысл которых бил наотмашь.

Он не хочет вина – это раз. Такое понять можно. Праздника не будет – это два. Что ж, многие не любят отмечать события веселой толпой. А дальше что-то о дружбе и расставании...

Я подняла взгляд на человека, только что сказавшего о разрыве, прикрыла рот рукой и покачала головой. М-м, нет, не верю.

– Ой, только не смотри так! – Мирос обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть мой шок. – Жалость тут не прокатит.

– Жалость? – Я не узнала свой голос.

– И без того слишком затянул, – не умолкал Мирос. – В результате вчера звонила твоя мать и спрашивала, почему я до сих пор не сделал тебе предложение, ведь кольцо уже куплено! Это уже ни в какие ворота не лезет, Оля! Какого черта? Что ты там ей наплела? Теперь куча твоей родни думает,

что мы по-прежнему пара и вот-вот узаконим отношения.

Докурив сигарету, он бросил окурок в пепельницу и тут же потянулся за новой сигаретой. В полной тишине снова закурил и прищурился, глядя на кольца дыма. Я тоже на них смотрела, стараясь найти в себе силы говорить.

«Мама звонила, – отстраненно неслись мысли в моем заторможенном мозгу, – решила поторопить его, хоть я и просила не делать этого».

Потом стало ужасно холодно внутри. Будто все внутренности вынули и оставили сидеть так, ни с чем, пустую, распрошенную. Как рыбу перед употреблением. Осталось только бросить в духовку. Запекать до готовности. Хотя Мирос больше любит тушеную, с овощами. И поменьше помидор – от них у него изжога.

По телу пробежал озноб, приводя в чувства. Я тряхнула головой, закрыла лицо ладонями и тихо пробормотала:

– Это все бред какой-то.

Помолчав недолго, я судорожно всхлипнула и посмотрела наконец в глаза Миросу.

– Это не шутка?

– Нет, – холодно ответил он.

– И ты всерьез бросаешь меня?

– Да, Оля. Да.

– Подожди, но кольцо ведь было. Оно лежало в комодке. Я его не придумала. Если тебя так разозлил звонок мамы...

– Да брось, Оля! Ну с чего ты взяла, что кольцо тебе?!

Если вещь прячут, то не затем, чтобы... Тьфу ты! – Мирос грубо затушил второй окурок и, уставившись прямо на меня, вынес окончательный приговор: – Это конец. Сегодня, здесь. Все, Оля. Да, я чувствовал вину за происходящее, потому так долго тянул. Ты вечно встречала у двери, смотрела, как... Как сейчас! Но все, у меня иммунитет, ясно? Я дарил тебе эти долбаные букеты, украшения, чтобы не чувствовать себя таким козлом. Хотя по факту, ты виновата не меньше.

– Я?!

– Да! Думаешь, легко сказать, что больше ничего не испытываешь к тому, кто ходит и заглядывает тебе в рот? Только знаешь... Допустим, я поступил с тобой не самым лучшим образом, но изменить ничего не могу. Сердцу не прикажешь. Ну бывает такое, понимаешь? Только не изображай святую невинность! Ты принимала украшения, закрывая глаза на все мои «ночные смены», стала тратить гораздо больше моих денег на свои шмотки и прибабасы, играя на моем чувстве вины. Я же не дебил какой-то, понимал, что ты манипулируешь мной.

– Я покупала все для нашего дома, для нас. И шмотки себе – чтобы нравиться тебе!

Услышав нотки истерики в своем голосе, замолчала. Не хватало еще зарыдать перед ним. Нет, нет, нет.

– В любом случае все. – Мирос снова посмотрел на сигареты, мотнул головой и выдал, как отрезал: – Я женюсь, и поэтому так больше продолжаться не может.

На кухне вновь повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь звуками проезжающих за окном автокаров и глухим тиканьем настенных часов. Прошло не меньше минуты, прежде чем я поднялась из-за стола, не отрывая взгляда от поджавшего губы мужчины, и заговорила:

– Помоги мне понять, дорогой, – что-то звенело в моем голосе, грозя лопнуть, – ты сегодня попросил меня задержаться перед работой для того, чтобы сказать, что бросаешь меня, потому что женишься?

Я сделала небольшую передышку. Мирос кивнул, не сводя с меня настороженного взгляда.

– Женишься не на мне?

Мирос попытался покачать головой, но передумал и снова кивнул.

Я повернулась к столу, медленно подтянула к краю кружку с недопитым чаем, и смахнула ее. От удара о пол она раскололась надвое. Как моя жизнь после этого дня.

Мирос прочистил горло. Затем щелкнула зажигалка.

«Это уже третья, – мелькнуло в голове, – ему вредно...»

И сбилась. Вскинула взгляд, посмотрела на Миросу, уточняя удивительно спокойно:

– И до этого ты дарил мне подарки, украшения и тратил свои деньги, чтобы откупиться за измены? Ты изменял мне, а потом приносил браслеты и кольца?

Он курил. Не отвечал.

– Мирос?

– Да. Все правильно.

Мне захотелось помыться. А потом стало смешно. Как можно быть такой дурой?! Как?

И я расхохоталась. Когда-то ему нравился мой смех. А теперь Мирос испугался. Отшатнувшись, он принялся увещевать меня, повысив голос:

– Оля! Прекрати!!! Сядь на место и не подходи! Не хватало еще снова оправдываться за запах твоих духов на мне...

– За запах моих духов?! Да я любила тебя! – Меня затрясло, щеки запылали от внутренней ярости. – Я – та, кто два года была рядом, в горе и радости! И это ты повторял, что мы – идеальная пара!

– Идеальная пара? – Мирос все-таки не удержался. С силой схватив меня за локоть, отодвинул от себя, проскочил мимо и прикрикнул: – Сядь, я сказал!!! И прекрати вести себя как истеричка! Нет давно никаких «нас», «мы», «вместе»! Есть отдельно ты – рядовой специалист по прогнозированию погоды, и есть я – главный оперуполномоченный отдела по борьбе с магическими преступлениями! Есть девушка, у которой ноль целей, и есть мужчина, стремящийся к саморазвитию и постоянному продвижению вперед! У нас не было будущего изначально, понимаешь?!

– Тогда зачем ты пудрил мне мозги?

– Опомнись! Последние полгода мы жили как соседи! Я спал-то с тобой два-три раза от силы, и то был пьян в стельку! Мне все равно было, с кем лечь, ясно?

Ясно.

Я думала, он уставал на работе. Приползал среди ночи совсем без сил. А я подавала горячий ужин и обещала, что всегда буду рядом.

– А будущая жена-то кто? – неожиданно спросила я.

Сама не знаю, как пришла к такому вопросу, но озвучив его, поняла, что ужасно хочу узнать ответ.

– Тут без комментариев. – Мирос выставил перед собой открытую ладонь. – Тебя моя жизнь больше не касается. Так что давай постараемся обойтись без истерик. Ты ведь всегда проявляла себя как умная и проницательная девочка. Поправь макияж и беги на работу. Я не гоню тебя из квартиры сегодня же. Соберешься в течение пары дней. Ключи у тебя есть...

– Из этой квартиры? Я должна уехать отсюда?!

Новое потрясение заставило меня облокотиться на подоконник. Ну конечно, квартира ведь куплена на его имя.

– Начинается. – Мирос закатил глаза. – Чего ты хочешь, когда ведешь себя так? Чтоб я женился на тебе из жалости? Хватит с меня сострадания, оно и так обошлось в кругленькую сумму. Заметь, я ничего не забираю: автокар, шмотки, побрякушки – оставь себе все, только хватит выедать мне мозг.

Произнеся последнюю фразу, Мирос развернулся и опрометью выбежал в прихожую, а затем и вон из квартиры. Хлопнула входная дверь, и вместе с этим звуком лопнуло

что-то у меня внутри.

Словно во сне, я бездумно побрела по враз опустевшей трехкомнатной квартире. Все здесь напоминало о нас, дышало нами. По лицу потекли горячие слезы. Размазывая косметику, я совсем по-детски потеряла глаза и внезапно остановилась у злополучного комода. Склонившись, открыла нужный ящик. Кольцо спокойно лежало на своем месте. Он даже не перепрятал его, не убрал.

– Ну, привет – прошептала я, протягивая руку к такому желанному предмету роскоши. – Значит, он решил, что ты будешь принадлежать другой?

Я рассмеялась.

Где-то в глубине души, очень-очень глубоко, понимала, что веду себя странно и пора остановиться, пора взять эмоции под контроль. Но крупный голубой алмаз в платиновой оправе так и манил к себе, заставляя отринуть все прочее. В голове зазвенело, пустота медленно стала преобразовываться в картинку, и вот уже готовое видение проплыло мимо.

...Очень красивая девушка в струящемся белом платье медленно прошла мимо. Ее провел под руку пожилой мужчина в форме полисмагического министерства. Заиграла красивая музыка, гости засмеялись, раздались аплодисменты то тут, то там. Женщина в нежно-сиреневом костюме промокнула уголки глаз белоснежным платочком... Идиллия.

Я знала, что нужно отвернуться и уйти, не смотреть, но

тут...

– *Согласны ли вы, Тиан Мирос-младший, взять эту де-
вушку в свои законные супруги?*

Не смотри! Не слушай! Это не для тебя!

– *Согласен!* – *ответил зычный мужской голос, чем вы-
звал радостный шепот среди собравшихся гостей.*

Как же ты можешь?! А я?! Что будет со мной?!

Отбросив колечко, подарившее столь яркое видение, я со стоном упала на постель и разрыдалась. Никогда раньше мой слабый дар предвидения не проявлял себя так четко и красочно. Почему именно сегодня? Именно сейчас? Когда и без него дико тяжело?!

Меня трясло от холода, в то время как внутри разрастался настоящий пожар.

«За что? Почему он так со мной?! Я ведь люблю! До сих пор... Как избавиться от этого чувства? Пройденный этап! Я – пройденный этап! Ненавижу! Ненавижу!!! И будущего у меня, значит, нет! Да я, может, на работе скоро новую должность...»

Работа!

В следующий миг, вскочив на ноги и осмотревшись совершенно диким взглядом, я решительно проморгалась, чтобы убрать с глаз пелену, мешающую отчетливо видеть окружающее, и взглянула на стрелки настенных часов.

– Твою ж... Где мой тачфон, черт возьми? – Ошалело пробежав глазами по спальне, я вновь отправилась на кухню,

старательно вспоминая, куда могла бросить аппарат.

Попутно стягивала с себя дорогой костюм от известной марки, бросая юбку-брюки, длинный кожаный жилет и блузку прямо на пол. Туда же отправилось нижнее белье из тончайшего нежного шелка. Все было куплено на его деньги. Он прав, я тратила не стесняясь... Мирос достаточно быстро приучил меня к роскоши, часто повторяя, что его любимой нужна только дорогая качественная одежда, только изысканные духи, только лучшие салоны...

Теперь, задумавшись об этом, я остановилась, вспоминая свою прошлую жизнь. Да, два года назад я была гораздо беднее и одевалась хуже, так и есть. Но и запросов у меня почти не было.

Я обернулась на сброшенную одежду, коснулась кончиками пальцев светлых волос и зло улыбнулась, вспоминая, что записана на ламинирование к очень дорогому специалисту. Придется теперь отменить. Моя зарплата не позволяла жить на столь широкую ногу. Нужно приспособливаться... К слову о работе!

Тряхнув головой, я двинулась вперед. Нужно срочно позвонить боссу! Спустя минуту, так и не обнаружив по пути тачфон, я стремительно вбежала в ванную комнату. Там пришлось на миг замереть от страха: из зеркала на меня смотрело жуткое лохматое и перепачканное нечто. И очень печально оказалось узнать в этой чужеродной зверушке себя любимую. Прекрасные русые волосы, собранные с утра в хитро-

умную прическу, растрепались и сейчас висели неопрятными паклями, а под глазами образовались черно-серые кляксы от потекшей косметики.

Быстро стащив с левой руки изящные золотые часики, я запрыгнула в душевую кабинку и рванула кран до упора. Спасительные струи теплой воды окатили тело, приводя в порядок мысли и сознание.

Десяти минут в душе хватило, чтобы немного прийти в себя и начать мыслить более здраво. Затем, завернувшись в большое махровое полотенце, я высушила волосы феном, освежила лицо новым слоем косметики и... остановилась на пороге ванной комнаты, неожиданно почувствовав боль от понимания: это все больше не мое.

Квартира, в которой я прожила год, в которой лично продумывала и меняла дизайн помещений, нанимала тех, кто переклеивал стены, перекрашивал полы и потолки, теперь достанется другой. Я покупала посуду, постельное белье, технику... Я облагораживала, оживляла это место, превратила его в уютный дом, куда хотелось возвращаться снова и снова. Мне хотелось.

Каждая полочка, каждая картина, каждая ажурная салфетка – все было на своем месте. На том месте, где решила я.

А теперь он приведет сюда новую хозяйку.

– Сволочь, – шепнула я, посмотрев на свое отражение в зеркале и отмечая лихорадочный нездоровый блеск в голубых глазах. – Ничего, Ольга Леонидовна, он еще приползет!

Кивнув озвученным мыслям, я аккуратно собрала волосы в сложную «ракушку», а затем втиснулась в короткую юбку и шикарную шелковую блузку от молодого, но уже очень успешного кутюрье. Накинула удлиненный жакет. Часики вернулись на законное место, в ушах засияли маленькие бриллианты – все куплено давно, в первый год отношений с Миросом. На ногах появились черные туфельки на высоких шпильках.

Последним был найден тачфон, который я тут же использовала по назначению:

– Вардар Архарович, – с придыханием заговорила в трубку, попутно хватая приготовленный заранее клатч и выбегая из дома, – простите меня, я совершенно бессовестно проспала! Да, я прекрасно понимаю. Конечно, все отработаю, вы же меня знаете. Ну нет, в этот раз точно-точно! Останусь и все долги разнесу в базе. Спасибо вам, золотой вы человек!

Разговор с начальником быстро остался позади – его-то я совершенно не боялась. Дело в том, что младшего сына Вардара Архаровича никак не хотели брать в академию при министерстве магии, и именно Мирос поспособствовал его зачислению. С тех пор я без особого стыда пользовалась всеми возможными и невозможными поблажками со стороны руководства, в том числе и счастьем задержаться с утра. Или уйти вечером пораньше.

Любимый красненький мини-кар ждал меня на стоянке. В нем приятно пахло ванилью и миндалем. Невольно вспом-

нились слова Мироса о том, что он не собирается забирать средство передвижения и пришла мелочная мысль действительно оставить все себе. Но я ее тут же отвергла. Верну все. Пусть продает или дарит своей невесте...

Я с силой ударила по сигналу на руле.

Выдохнула, прикусила губу. Истерить и кричать сейчас – глупо. Нужно обдумать все, понять, как быть дальше. Время терпит. Пару дней я могу себе позволить. А потом соберу вещи, кое-что из старых украшений и рвану... Не знаю, может, к маме? Или сниму квартиру? Посмотрим...

Кар тронулся с места, а я посмотрела в зеркало заднего вида и улыбнулась, шепча как заповедь:

– Все будет прекрасно!

* * *

К вечеру надежды на светлое будущее грозили окончательно утонуть в болоте из депрессии и неизбежно возросших комплексов.

Во-первых, мне позвонила знакомая с работы Мироса. Делая вид, что очень за меня переживает, она быстро уточнила, как дела, и запоем пересказала новую горячую сплетню:

– Я видела дочку босса нашего ведомства вместе с твоим Миросом! – запоем прощebetала она. – И эти двое ворковали, словно два влюбленных голубка, совершенно ни от

кого не скрываясь. Клянусь, так и было! А Мирос-то каков! Он просто пожирал ее глазами, Оля! Вот будто хотел съесть прямо там! И тут я подумала: а как же ты?..

Как же я? Меня терзал тот же вопрос. Но вслух я лишь за-верила знакомую, что очень занята работой. И бросила трубку, не прощаясь.

Во-вторых, мне пришло электронное сообщение от младшей сестры, Ирины, в котором та желала скорейшей помолвки и доверительно рассказывала новость: они с мужем ждали ребенка! Ира радовалась тому, что мы обе теперь будем самыми счастливыми женщинами на свете. А я... Я сразу представила злорадные лица многочисленной родни. Младшая сестра не только замужем, но и потомством обзаводится, а старшая – старая дева, брошенная мужиком после пробного периода совместного проживания.

Казалось, хуже уже и быть не могло. Ан нет! За пятнадцать минут до окончания рабочего дня выяснилось пресловутое «в-третьих»: младшего сына Вардара Архаровича отчислили-таки из академии за неуспеваемость и регулярные прогулы. Начальник злобно пыхтел и требовал восстановления ненаглядного отпрыска, в противном случае мне откровенно предлагалось искать себе новое место работы.

– Застрелите меня или придушите, чтобы не мучилась, – прошептала я, как только босс перестал стоять над душой, жутко нервируя своими ультиматумами.

Глядя на огромный монитор перед собой, я, брошенная

недобра, отчаянно пыталась изобразить на лице привычный оптимизм и работу мысли, однако выходило это отвратительно.

– Интересно, что еще судьба приготовила для меня на сегодня? – буркнула я, поведя плечами. – Или это все, на что она способна? Тогда слабовато бьет...

В который раз за день я нервно хихикнула, чем вызвала очередной приступ перешептывания и проявления интереса в свой адрес. Двое дотошных коллег – Татьяна и Заир (таких же слабеньких магов-прогнозистов, как и я) весь день гадали, в чем причина перемен в моем настроении. Только вчера я порхала словно бабочка, счастливо улыбалась и грозилась поразить их невероятной новостью, а сегодня молчала, злобно зыркала по сторонам и постоянно бубнила что-то под нос.

В их понимании я наверняка выглядела о-очень необычно. На вопросы предпочитала не отвечать, с каждым часом мрачнела все больше, а под конец и вовсе стала хамить окружающим, разговаривать сама с собой, шмыгая носом и злобно при этом посмеиваясь.

– Домой собираешься? – предприняла последнюю попытку вступить в переговоры Татьяна. – Или ты сегодня решила остаться в ночную смену вместе с Вардаром Архаровичем?

– Что? Уже время? – Я нахмурилась и недоуменно уставилась на стрелки своих золотых часиков.

Черт! Действительно пора уходить, только вот куда? С утра я была решительно настроена вернуться в квартиру Ми-

роса. Он ведь дал время. Но сейчас меня сковывал страх и неуверенность. Постепенно, очень-очень медленно, до меня доходила правда новой жизни: свадьбы не будет.

Да, я слышала это много часов назад, но принять такой факт оказалось невыносимо тяжело. А уж последствия обещали вылиться в непроглядную тьму впереди. Где искать работу? Где жить? Как справиться с ядовитой горечью, растекающейся внутри? Будто нефть, пролитая в океан, она уничтожала все хорошее во мне, заставляя то и дело строить планы мести или желать плохого девушке, ради которой меня бросили.

К тому же, волей-неволей я постоянно бросала взгляд на тачфон. Ждала сообщения или звонка от Мироса. От этой привычки тоже будет трудно избавиться.

– Оль, – Татьяна дернула меня за плечо, – ты где?

– Здесь. – Я посмотрела на коллегу и подумала, что мне некуда идти.

Значит, придется возвращаться в квартиру Мироса, других вариантов просто нет. Но гордость буквально кричала, что так нельзя...

– Тань, а поехали в клуб?! – вдруг выпалила я. – Ты что-то говорила недавно про новое суперместечко.

– Ну говорила, место действительно зачетное, – задумчиво глядя на меня, ответила Татьяна. – Только это было полгода назад, теперь я туда ни-ни: меня мой на порог не пустит, если узнает. Я в тот раз под утро вернулась, до сих пор

оправдываюсь. Да и твой вред ли одобрит...

– А где это место? И как называется? Контингент там порядочный? – Предвкушение все сильнее разгоралось внутри.

Вот она, отсрочка! И идеальный способ хотя бы так странно «насолить» Миросу: раньше он меня никуда не отпускал и ревновал к каждому столбу! А теперь я – свободная женщина. Возьму и пойду, куда хочу!

– «Вайлав» называется, и контингент потрясный... – Танечкин взгляд затянулся поволокой, а на губах появилась легкая фривольная улыбка. – А уж парни какие – загляденье! Мы с девчонками зашли и все, головы потеряли!

– Решено, я еду туда! Ты со мной или против меня? – Я вскочила, выключая рабочую панель и хватая клатч. – И учти, я угощаю!

– Ты меня без ножа режешь! – застонала коллега. – Не могу сегодня, мой внизу ждет. К нам свекромонстр приезжает, встречать поедем. Давай в другой раз? А хочешь, поехали к нам?

– Нет, уволь. – Я замахала на Таню руками. – Мне развлекаться хочется, а не... Ну, ты поняла.

Быстро заскочив в туалет, я остановилась перед зеркалом, подправила макияж, добавив яркости глазам и обновив помаду. Волосы распустила и слегка начесала на макушке, а блузку расстегнула на три пуговицы вниз. Оставшись очень довольной собой, я вызвала такси и, полная предвкушения, направилась в один из самых элитных клубов столицы Ми-

фистория.

И там действительно было от чего потерять голову!

Заведение состояло из нескольких потрясающих танцполов, выполненных в различных стилях и атмосфере, трех террас, баров и нескольких шикарных ресторанов. Бесконечные лестницы связывали многочисленные помещения и многоярусные лабиринты основного зала. Посетители могли при желании найти для себя комнату и остаться в ней на всю ночь. «Вайлав» вмещал в себя более семнадцати тысяч гостей! Мини-город!

Звуковые системы в клубе работали от души: музыка, которую играли знаменитые диджеи, пронизывала насквозь зажигательными ритмами, заставляя двигаться в такт. Мощные лазерные установки и оригинальные проекции усиливали общую атмосферу яркости и веселья.

Не успев прийти, я растворилась в толпе, полностью подчинившись самым простым инстинктам: напиться и забыться!

Какие только напитки я не попробовала! Коктейли, названия которых я даже не стремилась запомнить, брала один за другим и... танцевала! Сегодня я была богиней! Мои движения оказались полны грациозности и пластичности, я прекрасно улавливала малейшую смену в музыкальном ритме и выгодно выделялась на фоне остальной бездарной молодежи! Я смеялась, танцевала и чувствовала, что прекрасна как никогда!

А после очередного поистине шикарного «выхода» на танцпол ко мне даже подошли двое совершенно умопомрачительных ребят и помогли спуститься с пилона. Они же нашли мои туфли, но на одной почему-то не хватало каблука. Судя по внешнему виду, парни были выходцами не с Мифистория, а скорее с Глемира, как и мой Мирос.

Я лучезарно улыбнулась своим новым кавалерам, и попыталась строить глазки, но зал накренился, а верхние ресницы слиплись с нижними от случайно пролитого недавно коктейля.

Благо парни удержали меня. Крепкие, сильные! Вот он и пришел, мой звездный час! Почему я не была здесь раньше? Почему запрещала себе пить алкоголь? Только теперь все стало кристально ясно: Мирос никогда не был достоин меня, поэтому и боялся отпускать в подобные места! К этим шикарным мужчинам...

Я разлепила один глаз и восторженно посмотрела на своих кавалеров. И тут до меня дошло, что ребята идут отнюдь не за свой столик, а к одному из выходов. Вместе со мной!

– Эй, куда? – попыталась взбрыкнуть я, притормаживая голыми пятками о танцпол. – Верните туда... Поставьте назад! Ну?! Я кому это с-мое?!

И вроде все понятно сказала, вот только глемирцы моего сопротивления даже не заметили, а на слова и вовсе внимания не обратили, продолжая двигаться в заданном направлении.

Я сдаваться совершенно не собиралась: отчаянно брыкалась, ругалась матом и даже несколько раз попыталась уку- сить наглецов. Ребята только вздыхали и перехватывали меня покрепче. Что им мои укусы? У глемирцев кожа прочная и регенерация бешеная... Сволочи!

И что в итоге? Они оказались местными вышибалами.

Выяснилось, что некая особа танцевала рядом со мной и была весьма недовольна моим поведением. Видите ли, я тол- калась локтями и неприлично задирала юбку перед чужим мужчиной.

– И что? – просипела я, услышав аргументы охраны. – В голодный год люди друг с другом последним куском хлеба делились! А эта... мужи-ик-ка на вечерок зажала! Тоже мне!

– Девушка, – терпеливо повторил один из парней, – мы вынуждены попросить вас покинуть заведение. Есть кому позвонить, чтобы вас забрали, или вызвать такси? Куда вас отправить?

– Не дерзи мне, красотуль! – пьяно хихикнула я, по- прежнему чувствуя себя звездой этого вечера. Предприни- мая очередную попытку закинуть одну непослушную ногу на другую и демонстрируя фиолетовый браслет с логотипом клуба на правой руке, я заявила: – У меня здесь ф-фсе-ф- фсе включено! Оплачено, ясно?

Я обольстительно улыбнулась им.

– Хорош возиться с этой подстилкой, Дин. – Второй гле- мирец не отличался ни терпением, ни уважительным отно-

шением. Склонившись ко мне, он пророкотал: – Эй, ты, слышишь меня? Звони родственникам, пусть забирают тебя во-свояси! Или я тебя сейчас прямо так выведу! На улицу вы-ставлю.

– Ах ты... – Я хотела поймать глемирца за галстук, но про-махнулась.

– Значит, на улицу? – отшатнувшись, спросил он. И доба-вил, обращаясь уже к своему напарнику: – Не сняла никого, вот и бесится. Выводим.

У меня закружилась голова. Я поняла, что они и правда вот-вот сделают обещанное. Нет уж, надо домой... В свою квартиру.

– С-спокойно! – Я выставила вперед руку. – Есть кому... меня...

Глухо икнув, потянулась вперед и вытащила из рук первого глемирца свой клатч. Быстро найти в нем нужное не уда-лось, пришлось высыпать все содержимое на диван рядом с собой. Тачфон нашелся довольно-таки быстро, а вот набрать нужный номер получилось не сразу. Пришлось одному из ре-бят самому отыскать требуемое имя и позвонить.

– Да, – голос Мироса звучал раздраженно. И бодро. Из-за работы он привык вскакивать среди ночи и мчаться куда-то по приказу. – Слушаю.

– Это ваше? – тут же спросил хамоватый охранник, хватая меня за шкурку и тыкая в экран носом, как слепого котенка.

– Эй, поаккуратней, обезьяна! – Я задергалась в руках гро-

милы, впервые за всю ночь ощутив себя не в своей тарелке.

Повисла тишина, в которой было отчетливо слышно мое недовольное сопение.

– Где она и что натворила? – наконец проговорил мой бывший парень, понижая голос до шепота.

– Она...

Охранник не успел доложить обо всех моих злоключениях, так как на экране тачфона, прямо из-за плеча Мироса, показалось еще одно лицо. Молодая, очень красивая девушка выглядела смущенной и удивленной одновременно.

– Кто там, малыш? Это что, она?

Время остановилось. Я больше не трепыхалась, пытаюсь высвободиться из захвата глемирца; я просто замерла на месте, мечтая лишь об одном: исчезнуть, раствориться как можно скорее и никогда... НИКОГДА больше не видеть ни его, ни ее.

Резко отвернувшись от экрана, я дернулась в сторону. Послышался треск жакета. Я тяжело осела на диван и закрыла уши ладонями. Не хотела слышать их. А еще меня мутило...

Охранник больше на меня не бросался и выгнать тоже не пытался. Похоже, я что-то упустила, перестав слушать дальнейший разговор.

– Ты это, сиди здесь пока. – Глемирец по имени Дин заставил меня убрать руки и посмотреть на него. В его глазах было сочувствие. Только этого не хватало! – Минут через десять за тобой прилетят, ну и... разберетесь там уж сами. А

нам работать нужно. Слышишь, нет?

Я хотела ответить, но слова застряли в горле. Пришлось кивнуть и обнять себя за плечи. Стало холодно и противно, даже странно, как так быстро пропало веселое настроение?

Хлопнула дверь – ребята вышли из комнаты, оставив меня одну наедине с невеселыми мыслями.

«Значит, он пообещал прилететь за мной... – Мысли текли вяло, словно нехотя. – Интересно, один или с этой? И куда они меня?» Снова вспомнился взгляд платиновой блондинки. Красивая, яркая и явно разочарованная увиденным. А ведь за все два года с Миросом я лишь несколько раз выпивала, да и то в его присутствии и с его одобрения. Жених являлся ярым приверженцем здорового образа жизни.

К тому же, у меня был редкий дар, с которым не рекомендовалось потреблять алкоголь. «Кроты», так называли подобных мне. Как и другие люди, мы бродим по земле словно слепцы, не видя ничего сверхъестественного вокруг, и лишь иногда к нам приходит озарение, позволяющее «заглянуть» за грань реального времени. Проявляется слабый дар предвидения, говоря иначе.

По сути, я не сильно отличалась от остальных людей, не имеющих магического дара: уровень моих способностей был самым низким. Зато позволял работать специалистом по прогнозированию погодных условий. За всю жизнь меня посетило не больше десяти видений, а вот предчувствие часто было на высоте. И сейчас оно снова дало о себе знать.

Внутри что-то нарастало, давило. Стало страшно, тяжело дышать.

«Это из-за Мироса, – подумала я, вскакивая и осматриваясь в поисках своей обуви. – Не хочу их видеть. Лучше уж ответить на тысячу вопросов шокированной мамы и много часов выслушивать ее нравоучения и нотации, чем снова увидеть эту парочку».

Тупфли оказались непоправимо испорчены, идти в них куда-то было бы невыносимо. Впрочем, до стоянки такси от клуба было не так далеко. Моя цель находилась буквально через парк.

Я сгребла в клатч все свое добро и пересчитала наличность. В глазах двоилось, так что пришлось ограничиться пониманием: сумма небольшая. Зато на карте кредиты еще имелись. До мамы доехать, пожалуй, хватит, кто-то из водителей сегодня хорошо наживется.

С гордо поднятой головой, решительная, босая и сильно лохматая, я с ужасом отвернулась от зеркальной стены и топала мимо очередной партии «вышибал» на выход. Знакомых глемирцев не встретила, а остальные трое, попавшиеся на пути, просто мазнули по мне любопытными взглядами и тут же забыли.

«М-да, похоже, ребята и не такое повидали, – думала я, осторожно перебегая через стоянку клуба, лавируя между автокарами и старательно вглядываясь под ноги. – Ох, не зря Таня предупреждала, чтоб голову не теряла». Еще несколь-

ко минут понадобилось, чтобы перебежать автостраду – благо в это время суток она была практически пустой, лишь по верхней трассе, в небе, неслись автолеты.

Городской парк встретил меня зловещей тишиной. В дневное время здесь бывало очень красиво: множество деревьев, цветов и зелени навевали романтику, а периметры широких дорожек украшали памятники, фонтаны и различные статуи. Только сейчас все они превратились в причудливые страшилки, то и дело нависающие над незадачливой путницей и сопровождающие меня хмурыми взглядами из темноты.

– Здесь никого кроме меня нет, – бубнила я себе под нос, медленно продвигаясь вперед, – это просто каменные изваяния. Их не стоит бояться.

И только почувствовала хоть какую-то уверенность в том, что ничто не угрожает, как тишину вокруг разорвал душевраздирающий крик. Женский. ЖУТКИЙ. И он приближался!!!

В нормальном состоянии я наверняка сбежала бы, но... выпитые коктейли сыграли злую шутку и прирастили меня к месту. Ноги налились свинцом, дыхание участилось, клатч со всеми документами и деньгами выпал из похолодевших рук.

«Беги!» – кричал остаток здравого смысла где-то на задворках испуганного сознания.

«Все будет хорошо», – шептал врожденный оптимизм,

ласково шевеля волосы на затылке.

«Это просто подростки резвятся», – отмахивался влитый в организм алкоголь, подкрадываясь при этом все ближе к горлу и пытаясь вырваться наружу вместе со съеденными кусками.

А потом случилось неизбежное: из леса выскочило нечто. Существо, весьма отдаленно напоминающее женщину. Фонарь освещал ее неравномерно. Лохматая, в искромсанном платье, залитом чем-то черным, и с совершенно дикими глазами, она замерла и уставилась прямо на меня.

Наверное, именно так смотрят животные, которых ведут на убой.

Приглушенного света хватило, чтобы появившаяся жуть разглядела меня и ринулась навстречу, нечленораздельно выкрикивая шипящие бессвязные звуки. Во рту у нее булькала красная субстанция, а лицо и волосы были перепачканы грязью вперемешку желтой мерзостью. Вокруг распространился ужасный гнилостный запах.

А я... Я так и не могла пошевелиться!!!

Остаток расстояния женщина пробежала, схватила приросшую к месту меня за тонкую блузку, несколько раз мотнула головой, пытаясь что-то сказать, и... грузно повалилась сверху. То ли потеряла сознание, то ли...

– Помогите, – пропищала я, больно приложившись головой о подножие невысокой статуи. Ресницы снова слиплись от выступивших слез, рот свело судорогой. – Кто-нибудь...

Мамочки.

Последнее слово было обращено уже не к павшей жертве нападения, а к появившемуся следом мужику. Он навис над нами, загораживая свет, и широко раззявил рот.

«У бедняги нет зубов, – на автомате отметила я, – и воняет он, как будто давным-давно сдох. Все плохо».

– Хор-ршо, – нечленораздельно пророкотал мужик, противореча моим мыслям. – Идти вместе! Две – хорошо.

– Нет!!! – наконец закричала я.

А потом было больно. Еще бы – такой кулак обрушился на голову! Я даже отключилась, но, к сожалению, совсем ненадолго. Запах разлагающегося тела быстро вернул меня в сознание. С трудом открыв глаза, я поняла, что болтаюсь вниз головой на одном плече у громилы. На втором, совсем рядом, висела новая знакомая, по-прежнему не подавая признаков жизни.

Снова подступила тошнота. Но, прежде, чем организм успел высказать свое веское «фи» на все происходящее, мужик остановился и небрежно сбросил мою соседку вниз. Понесся громкий нехороший хруст. Я забыла как дышать и попыталась вспомнить, как нужно группироваться в случае падения. Не вспомнила. Кажется, я и не знала такого никогда...

Мужик же слегка развернулся, и, благодаря нескольким тусклым, хаотично расставленным светильникам, я увидела часть места, куда он нас приволок. Оказалось, вместо земли

и вообще парка под ногами теперь был гладкий каменный пол с изображением огромной звезды. На один из углов рисунка и была сброшена перепачканная и покалеченная женщина.

– Лежать, – скомандовал наш пленитель, погрозив замершей в неестественном положении жертве, словно до этого она намеревалась сбежать.

Затем, сделав еще несколько шагов в сторону, вонючка сбросил и меня. Правда, мне досталась подстилка в виде кучи чьих-то вещей, воняющих разным дорогим парфюмом. Один я даже узнала: сама хотела купить такой на днях.

Из глаз снова полились слезы, но я упорно притворялась мертвой.

– И ты лежать. Ждать. С тобой потом, – пророкотал мужик надо мной.

«Потом – это хорошо, – снова подал голос пресловутый оптимизм, – можно попытаться незаметно отползти. Главное, тихо!»

Кинув дикий испуганный взгляд в сторону удаляющегося маньяка, я снова удивилась: мужик встал в самом центре нарисованной звезды и, тяжело поднимая руки, начал нараспев проговаривать какие-то непонятные слова.

Вокруг него, в четырех равноудаленных углах, стояли небольшие склянки, наполненные до краев чем-то красным. Пятый же угол занимала моя новая знакомая – сумасшедшая из парка. Женщина выглядела словно сломанная кукла, од-

нако из-за ее близости я вдруг поняла: грудь бедняги все еще тяжело вздымается!

Вверх-вниз... Она была жива!

«Нужно позвать на помощь, – подумала я, заставляя себя отвернуться и поискать глазами выход. – Самой мне с ним не справиться. Но и ждать больше нельзя. Что же делать?».

Пение маньяка становилось все заунывней и протяжней, плюс ко всему мужик стал раскачиваться всем своим огромным телом из стороны в сторону, а пол подо мной принялся нехорошо вибрировать.

«Сейчас или никогда!» – решила я, вскакивая и бросаясь к выходу. И тут заметила препятствие. Пришлось перепрыгивать босыми ногами через небольшой бочонок, наполненный непонятной жидкостью.

Идея, в целом, была неплохой, а вот исполнение могло быть и лучше. Зацепившись за край преграды, я рухнула навзничь, проливая вокруг непонятную субстанцию и громко выкрикивая в полете нечто нецензурное.

Оказавшись на мокром холодном полу, я приготовилась к новой порции избиения. Обняв руками голову и подтащив дико разболевшиеся ноги к животу, я замерла и вся превратилась в слух. Прошло секунд десять. И ничего! Удивительно, но маньяк по-прежнему стоял в центре пентаграммы, напевая свой неразборчивый монолог, и не обращал на меня ровным счетом никакого внимания.

Не сказать, чтобы меня это сильно задело, скорее даже на-

оборот... К тому же, окинув взглядом помещение, я узнала наконец здание, в котором оказалась: это была маленькая милая кафешка на окраине парка, которую хозяин закрыл больше года назад на ремонт. Мозг соображал очень вяло, но все-таки передал информацию телу: «До стоянки с такси отсюда всего пару сотен метров, соберись и беги»!

Неуклюже встав на карачки, я поплотнее сжала губы, чтобы не выдать себя очередным красноречивым эпосом, и поползла к выходу. И тут раздался хрип. Я обернулась. Совсем рядом, выгибаясь дугой, протяжно постанывая и мыча, умирала женщина. Я точно знала, ей осталось недолго. И все мое существо кричало: она не жилец, а ты можешь спастись! Помочь ей уже никто не в силах – себя бы унести подальше, пока не прибили окончательно...

Только пока я размышляла, глупое тело уже развернулось назад и ринулось к бедняге.

В этот момент сосуды на краях звезды лопнули, а их красное содержимое само полилось навстречу к зловонному монстру в центре. Женщина вскрикнула, протянула руки в мою сторону, а затем обмякла, так и уставившись в пустоту большими удивленными глазами.

Дальше все происходило словно в тумане.

Наверное, это и было тем состоянием аффекта, о котором я раньше столько слышала от других. Схватив небольшую балку, валяющуюся рядом, я, издав совершенно ненормальный боевой клич, бросилась на преступника и уронила ему

на затылок свое импровизированное оружие.

Мужик пошатнулся и рухнул в сторону умирающей женщины.

– Сволочь! – кричала я, практически обезумев от страха, еще и еще раз опуская на него балку. – Сдохни, сдохни, сдохни!..

И он, кажется, сдох. В смысле, окончательно.

Только поняв это, я уронила свое оружие и попятилась. Меня трясло, ноги подкашивались от боли и ужаса, и, сделав очередной шаг назад, я поскользнулась. Равновесие удержать не удалось. Неуклюже раскачиваясь, я завалилась на спину, прямо в центр звезды, куда продолжала поступать кровь со всех ее пяти углов. Попробовала тут же встать, но не смогла – показалось, приросла к месту.

– Кажется, это конец, – почему-то совершенно спокойно подумала я, чувствуя, как разрывается бок от малейшего вздоха. – Надо было вызвать такси в клуб, а не выпендриваться...

Глава 2

Ольга Кир

Постоянный нестройный гул очень мешал умирать. Чьи-то голоса, шаги, внезапный яркий свет и негодующие крики – все это набатом пробивалось в затуманенное уставшее сознание, заставляя меня морщиться и просить быть тише. Или мне казалось, что я просила? В любом случае, все бесполезно. Никому не было дела до моих мучений и нежелания осязать что-либо.

– Кажется, тут баба избитая! И там еще двое! – проорал какой-то садист прямо надо мной. – Эй, вы слышите меня? Эй! Дамочка!

Ответить вслух не получалось. Зато мыслить я еще могла. «Пошел к черту, – подумала, чувствуя, как меня грубо тряхнули за плечи. – Сволочи, дайте хоть умереть спокойно!»

– Слышь? Нет?! – надрывался гад, совершенно не понимая, какую боль причиняет каждым словом и действием.

Моему молчаливому посылу он не внял. Тело снова тряхнуло. В голове словно что-то лопнуло и захотелось рыдать, только на это не осталось сил. Под веками пульсировала ту-

пая боль, губы пересохли и слиплись...

– Вот вода, пейте, дамочка. – Другой мужчина, с более приятным голосом, значительно тише и спокойнее прежнего, приподнял мою голову и поднес к губам живительную влагу.

Вода! Как хорошо. Умирать расхотелось. Однако сделав большой жадный глоток, я тут же хрипло закашлялась и застонала от жгучей боли в области ребер. К счастью, почти сразу мир вокруг снова померк и затих.

Стало хорошо. Отсутствие сознания для физически и морально избитого человека – это высшее благо. Но меня угораздило отключиться на каком-то проходном дворе! И ведь пока убивали – ни души не было, а как только я решила спокойно отойти в мир иной – набежали, разгалделись, принялись спасать!

– Эту на автолет вместе с той, что в коме. Труп оставьте пока на месте, сейчас Горан приедет, хочет лично осмотреть, – пророкотал кто-то рядом, заставляя меня выплыть из блаженной неги и вновь ощутить все «прелести» жизни. Тело горело огнем, во рту все пересохло, а еще вокруг нестерпимо воняло, так что от первого же вдоха меня дико замутило.

– О! Дамочка очнулась. Или это посмертная судорога? – спросили рядом со мной.

– Добе-е-ейте, – прошелестела я, старательно пытаюсь найти новый способ лишиться сознания.

– Пока рано, – какая-то сволочь надо мной коротко хохотнула. – Вот подшаманим вас там да сям, расспросим, что да как, и тогда снова поговорим на эту тему.

– М-м-м? – Я в сильном негодовании приоткрыла один глаз, пытаюсь рассмотреть и запомнить чудесного шутника.

Даже умирать передумала окончательно. Кто будет мстить гаденышу, если я просто уйду в мир иной? Нет уж, нужно зафиксировать лицо... Но, сколько ни щурилась, эффекта было ноль: вокруг все плыло и опасно пошатывалось.

– Опять конвульсии, – недовольно заявил тот же мужчина, что стоял в стороне. – Может, ее не трогать? Так пусть отмучается?

– Нельзя. Сказал же: подлечим, а потом пусть отмучивается.

Я приподняла руку со сжатым кулаком.

– А что? Желание гражданина для нас закон, – продолжил издеваться шутник. – Только не вздумайте умереть раньше времени, имейте совесть! С поднятием и допросом трупов сейчас столько мороки! Волокита одна, бюрократы замучили.

В следующее мгновение меня резко приподняли за плечи и ноги и переложили на носилки. От боли я забыла как дышать. Опомнилась, когда меня понесли в сторону свежего воздуха. И сразу жадно вдохнула, наплевав на треск в ребрах.

– Так-то лучше. Несчастный вид вам совершенно не идет,

лучше злитесь. Злость – отличное лекарство от всего на свете. Даже от депрессии... – Я узнала шутника, это он меня преследовал и никак не мог заткнуться! – И вообще, на вас большая ответственность: вы, похоже, будете единственным толковым свидетелем в этом деле. Так что постарайтесь вспомнить все как следует и остаться в живых хотя бы до беседы со следователем.

«Хрен вам, а не сведения!» – успела подумать измученная я и даже попыталась пальчик нужный оттопырить в сторону шедшего следом голоса, сил не пожалела.

А потом снова был спасительный сон без картинок, запахов и иной отвлекающей дряни.

Нир Горан Вук

«Чертов тачфон! Когда его наконец разорвет от количества звонков?!»

С раздражением сдернув с себя простыню, я сел на край кровати и с силой потер уставшее от бессонной ночи лицо. Аппарат ненадолго затих. В голову даже скользнула нелепая мысль, что меня оставили в покое.

Нет, не оставили.

– Слушаю! – гаркнул я, глядя на бликующий экран старенького аппарата и ожидая очередных невеселых новостей.

– Привет, Горан! Ох, и помятая у тебя рожа, дружище! – Жизнерадостная физиономия Данте окончательно испорти-

ла настроение: его звонок не предвещал отдыха в ближайшие часы восемь-десять, а то и больше.

– Говори по делу, – ответил я, включив самый громкий режим связи и бросив тачфон на кровать. Хотелось кофе и закурить.

– Фу, мужик, ты хоть бы трусы надевал, что ли... Я хоть и не ханжа, но предпочитаю вид женского тела, – раздалось недовольное бурчание из аппарата. – Кстати, о телах! – тут же спохватился напарник. – Нашли Октавию!

– Мертва? – Замерев с зажигалкой в руках, я приготовился к худшему.

– Пока нет. Но истязали ее конкретно. Выглядит она так, словно у наших некромантов вот-вот появится работенка... Тут еще кровь предыдущих жертв, полуразложившийся мужик и девчонка посреди пентаграммы.

– Кто нашел? – Так и не прикурив, я с тоской посмотрел на кофемашину. Не успею.

– Местные рабочие, у них отпуск закончился. Это здание кафетерия в парке, сейчас оно ремонтируется. – Данте помолчал немного, набрал в грудь побольше воздуха и добил: – Есть еще кое-что.

Я откинул голову и замер в ожидании.

– Кажется, девчонка впитала силу нашего Психа! – выпалил Данте. – По крайней мере, несвежий мужик совершенно пуст, да и голова у него проломлена знатно – вытекло все нах... чисто. Ритуал наверняка начинал он, а вот закончила,

похоже, блондинка в бирюльках.

– Не понял. Кто закончил?

– Ну, девчонка. Говорю же, шестая жертва лежала в самом центре, Горан. Вид потрепанный, но в ушах бриллианты, на руке золотые часики. Непростая, смекаешь?

– Жива?

– Пока да.

– Ты допросил ее? – Натягивая брюки, я полуобернулся к тачфону, чтобы четче слышать, что рассказала девчонка. Нельзя было упустить ни одной детали.

– Э-э-э... нет. Она: «а» – практически без сознания, потому как сильно избита; «б» – напилалась силой жертв, отчего ее жуть как колбасит; и «в» – все еще сильно пьяна.

– В смысле? – Я застегнул молнию на брюках и принялся осматриваться в поисках рубашки.

– Похоже, гульнула ночью не по-детски. Перегаром от нее тащит просто за версту.

– И? – Одеваясь, посмотрел на часы. Я вообще спал?

– И я отправил ее в нашу клинику вместе с Октавией. Говорить о чем-либо сейчас бесполезно, уж поверь...

– Поверить тебе? Лучше проверю! – ответил я, подхватывая с пола куртку.

– Дело твое. Я уже сказал, что ты приедешь лично. Ждем.

– Планы меняются. Я еду в клинику, ты осмотри тело! Зафиксируй каждую мелочь! – рывкнув в аппарат, я отключился и направился к выходу.

Дело принимало очень нехороший оборот. Октавия Лонг... Если она умрет, а девчонка примет даже часть ее силы, то придется худо. Еще телохранителем не пойми у кого работать не приходилось!

Матерясь себе под нос, я схватил ключи от кара и проверил, есть ли сигареты в кармане. Нужно было многое обдумать. Кое-что из случившегося я давно предвидел, но явно не все. Впрочем, была надежда, что и Псих наконец-то просчитался.

Что ж, посмотрим, что там за «жертва номер шесть».

Ольга Кур

Давненько мне не было так хорошо. Душа просто пела от счастья, а тело – от чувства полнейшего удовлетворения. Мы с Миросом лежали в обнимку на берегу моря. Вокруг ни единого постороннего: любимый, я и наша безграничная любовь... И чайки в небе. Парят. Так свободно и легко... И мне кажется, я могу так же.

– Кхм, кхм, – совсем рядом откашлялась женщина. – Я, конечно, прошу прощения, что вторгаюсь в такие интимные мечты, но у меня к вам безотлагательное дело, Ольга.

– Что? – Отпрянув от любимого, я обернулась, чтобы тут же наткнуться взглядом на женщину средних лет.

Несмотря на южную духоту, она предпочла нарядиться в белый плащ до земли. Даже ног не видно. И шеи. Остава-

лось рассматривать лицо незнакомки, на котором особенно выделялись большие ярко-зеленые глаза. Они поражали глубиной и необычным внутренним светом. Никогда таких не видела.

– Ольга? – напомнила о затянувшемся молчании женщина.

– Кто вы такая? – встрепелась я.

– Еще раз прошу меня простить. – Дама слегка наклонилась в мою сторону и взглянула через шезлонг на Мироса. Мой жених загорал абсолютно обнаженным, не обращая никакого внимания на новое действующее лицо. Он безмятежно улыбался, глядя вдаль.

Я растерялась от подобного поведения. И Мирос, и женщина неприятно удивляли своими манерами. А потом произошло и вовсе странное: посмотрев на себя, я обнаружила, что и сама обнажена!

– О, вы, я вижу, чувствуете себя неловко из-за внешнего вида и времяпровождения...

– П-простите, – закивала я, лихорадочно пытаюсь вспомнить, где же оставила купальник.

Сложив руки на груди, я присела на своем шезлонге и закинула ногу на ногу. Женщина же обвела взглядом пустынный пляж и снова уставилась на меня. Ее лицо озарила мягкая улыбка.

– Это пустое, поверьте, милая, – спокойно проговорила она. – Такая уж у меня работа, что приходилось видеть очень

разное. Иной раз смотришь на человека и в жизни не подумаешь, о чем он грезит ночами. Забавно. А иногда и не очень. Но ко всему привыкаешь со временем. Хотя признаюсь, обычно я стараюсь уйти незамеченной и не смущать никого присутствием...

Пока она говорила, Мирос повернулся ко мне и подмигнул. Затем снова прикрыл глаза, протянув руку в мою сторону. Я ее приняла. Наши пальцы сплелись, и мне страшно захотелось, чтобы незнакомка ушла. Сейчас же!

– Простите, Оля, но вы мне очень нужны. А я вам. – Женщина, будто услышав мои мысли, покачала головой и с сожалением добавила: – Мне правда жаль. Но сейчас позвольте, мы перейдем в мои грезы, там будет гораздо удобней.

Ответить я не успела, потому что внезапно картина вокруг переменялось. Мирос исчез вместе с морем, шезлонгом и чайками, а мы с новой знакомой оказались посреди небольшой одноместной больничной палаты.

Мерно гудели приборы, а душу неминуемо закрадывалась атмосфера обреченности.

Я скользнула взглядом вправо и заметила кровать с единственной пациенткой. Бледная, с обмотанной бинтами головой, женщина лежала, не подавая признаков жизни. Рядом с ней изредка попискивал небольшой аппарат с кучей трубочек, проводков и жгутиков. Кроме того, с другого края стояли сразу две капельницы.

– Мы не познакомились, Ольга, – тихо, практически ше-

потом, проговорила моя сопровождающая, – а это невежливо. Мое имя Октавия. Мне сорок четыре года... И это я умираю.

Я зябко повела плечами. Посмотрев на себя, обнаружила такой же, как на Октавии, белый плащ. И то хорошо. В голове было пусто.

Что я должна была ответить умирающей женщине? На пляже мне нравилось больше. Там ждал Мирос. Я еще чувствовала тепло его ладони...

– Он был плодом вашего воображения, – снова заговорила Октавия. – Делал то, что ему приказывало ваше подсознание, Ольга. Я так понимаю, тот мужчина вам дорог?

Я не ответила. Дорог? В памяти вспыхнул разговор. «Все кончено, Оля!»

– Нельзя жить в иллюзорном мире, – не унималась Октавия. – Многим это нравится, и они даже предпочитают вовсе не жить, оставаясь в грезах. Но в таком случае мозг начинает разрушаться, и тогда, со временем, в прекрасные мечты прокрадываются самые жуткие кошмары. Поверьте, даже врагу не пожелаешь такого. Так что мечтайте в меру, Оля, и только о достойных людях.

Один из аппаратов, к которому была подключена пациентка, пискнул особенно сильно. Октавия замолчала.

– Кто вы такая? – прошептала я, глядя на бледное лицо женщины в кровати. – Тоже плод моего воображения?

– Нет, – в ее голосе послышалась печаль, – я – жертва, ко-

торуую вы пытались спасти прошлой ночью. Вижу, вы вспоминаете. Увы, все случившееся было правдой. И вам тоже сильно досталось.

Я обернулась. На губах новой знакомой появилась очень грустная и одновременно сочувствующая улыбка.

– Вас ведь очень редко посещали видения, Оля? – спросила она, но я понимала: ей уже известен ответ. – А я гуляю по веткам будущего практически с рождения. Крот высшего уровня. Но вы, верно, уже догадались?

Я кивнула.

– Так вот, сегодня ночью меня поймали и попытались убить. С учетом моих способностей, задача это весьма непростая, но, как мы видим, вполне осуществимая. Ветви времени переплелись, образуя узел. Случился спонтанный сбой, и отсюда – непредсказуемые последствия. И вы – одно из них.

– Я?

– Да, Ольга, вы не должны были оказаться там. Но появились словно из ниоткуда и дали мне время. А еще сбили планы кому-то очень расчетливому И я очень благодарна за это. – Октавия подошла к своей телесной оболочке, дотронулась до собственной руки и констатировала: – Только холод. Тепло уходит. Все дело в самонадеянности, не иначе. Если бы я слушала Горана... Но что уж теперь? Остается завершить дела как следует.

Теперь замолчали мы обе. Я просто не представляла, что

можно сказать утешительного в такой ситуации. Даже с минимальным количеством дара, которым я обладала, становилось очевидно: это тело больше недееспособно.

– Мне жаль, – вот единственная фраза, что пришла на ум.

– Да, мне тоже. – Октавия неожиданно так посмотрела, что меня вновь пробрал озноб.

– О чем вы? – напрягшись, уточнила я.

– Послушайте, Ольга... Я могу себе представить, как мое появление выглядит со стороны, но у меня не было выбора. Ни ночью, ни сейчас. – Женщина встrepенулась и добавила с суровым видом: – Меньше чем через пять минут я уйду из жизни. А к вечеру убьют и вас.

Я вздрогнула.

Одно дело сопереживать и сочувствовать постороннему человеку, но совсем другое – услышать от крота высшего уровня предсказание собственной смерти. Это было сродни удару под дых.

– Не поняла.

– Все вы поняли, – твердо заявила Октавия.

– Чего вы хотите? – Мой голос неожиданно осип, а губы отчего-то стали неметь.

– Мне ничего от вас не нужно. Мое дело решенное. А вот вы можете изменить свою судьбу. Просто выслушайте меня, хорошо?

Женщина, быстро подошла ко мне и мягко улыбнулась. Только теперь остаток здравого смысла вопил от плохого

предчувствия, и я не обманывалась: что-то было не так.

– У вас есть два возможных пути. Первый – сдаться. И тогда... вы умрете. Но я предлагаю вам путь спасения. Вы хотите жить, Оля?

Я хотела. Как никогда.

Октавия знала это. Она кивнула и заговорила быстрее:

– Прежде всего вы должны знать: с момента пробуждения у вас начнется совершенно новая жизнь, где доверять нельзя никому. Никому! Такой как раньше вам уже не быть. Понимаете?

Я зачарованно смотрела в ярко-зеленые глаза и внимала каждому слову провидицы.

И она не теряла времени:

– Итак, сейчас вы погружены в лечебный сон, но я сделаю кое-что, и наступит пробуждение. Как только очнетесь – сразу выходите в коридор и следуйте налево, в соседнюю палату. Незамедлительно. Оля, от этого зависит, будете ли вы жить! Там будет мужчина. Высокий брюнет с военной выправкой. Он всегда одевается очень небрежно, на голове бардак. Скорее всего он, как всегда, не брился уже несколько дней. Одним словом – вид у него пугающий, но пусть вас это не обманывает. Его кодовое имя – Горан. Так вот, ваша задача – стать его тенью. Не просто уйти с ним, но и держаться его как можно дольше. Сразу оговорюсь: характер у Горана отвратительный, заносчивый и невероятно упрямый... Но с ним вы останетесь живы. Умеете расставлять приоритеты, так ведь?

Отлично. Горан – ваш билет в будущее.

– Стать тенью, – тихо повторила я. – Хорошо. Я попробую.

– Нет! Вы сделаете это. Или умрете, – напирала Октавия. – Сомнения прочь. Я успела взглянуть на варианты ближайшего будущего, другого выбора нет. Не уйдете с Гораном из больницы – смерть.

– Сделаю, – решительно кивнула я.

Октавия улыбнулась:

– Теперь верю. Ох, время... – Женщина схватилась руками за голову и оглянулась на собственное тело. – Как же жаль... Знаете, никогда не думала вот так умереть... Но, в конце концов, я не одна в последние минуты, и в этом есть своя прелесть. Попрошу вас еще об одном, Оля. Это уже лично от меня. Пожалуйста, не отказывайтесь от Озгуда. Кроме меня у него никого нет. Кажется, что ему никто и не нужен, но это не так.

– Озгуд? – Я непонимающе похлопала ресницами. – Кот?

– Почти. Мой напарник, – Октавия светло улыбнулась. – Кот... Какое интересное сравнение. Правильное. Теперь он совсем один. Прошу вас, Оля.

– Хорошо, не брошу. Но и силой никого держать не стану... – не совсем понимая, чего именно просит от меня женщина, я пожала плечами.

Октавия облегченно вздохнула:

– У него непростой характер, девочка, но... он дорог мне. Постарайся найти к нему подход, и у тебя не будет друга

вернее. А сейчас пора завершить этот разговор. – Очертания Октавии стали расплываться. Она схватила меня за руку, окуная в самый жуткий холод на свете, и заговорила все тише и тише: – Время настало. Прими же мой дар, который отдаю тебе добровольно, без всякого принуждения, по воле моих души и разума. Пусть глаза твои откроются всему прошедшему, сущему и обещанному, а связующая нас нить прервется, как только покину я этот мир... Проснись!!!

Я выгнулась дугой от боли! Распахнула глаза, ничего не видя от застилающих их слез.

«Вот и все, – раздалось у меня в голове, – теперь беги, девочка».

Я вяло пошевелила рукой, затем зевнула. Рот перекосило куда-то влево, а движения отозвались в груди жгучей болью. Проморгавшись, попыталась осмотреться. Что за ерунда? Где я?!

Палата.

Тишина.

Окно с пожелтевшим от времени тюлем.

– М-м, – проговорила я, и тут же тягуче медленно стала вспоминать.

Мирос. Он бросил меня вместо того, чтобы жениться. Почему-то именно это больше всего шокировало. Ни перебинтованные ноги, ни руки, покрытые ссадинами, ни голова, раскалывающаяся от боли, нет! Шокировал факт того, что я – брошенка.

А потом вспомнился клуб.

«Мамочка моя, как же противно и стыдно, – зажмурившись, подумала про себя. – Что на меня нашло?! Это просто проклятие какое-то!»

Дальше картинки всплывали быстрее, но были сильно размазаны: Мирос с его новой любовью... безразличная охрана на входе, парк... И Октавия!

«*БЕГИ!*»

Боже мой!

Я резко села на кровати, отчего снова почувствовала острую боль в груди и затылке.

– Убегать! Мне нужно в соседнюю палату... Где же вещи? Кто-нибудь!!!

Паника. Именно так, одним емким словом можно было описать охватившее меня состояние. Вполне заурядная больничная палата казалась ловушкой, белые стены вокруг давили и сжимались, пол под слабыми ногами ходил ходунком. За окном подул ветер, принявшись ломиться внутрь, заставляя трещать деревянные ставни словно повторяя последние слова провидицы: «Беги, беги, беги!..»

А как бежать, когда на тебе из всей одежды – одни бинты, да и те прикрывают не то, что хотелось бы? Схватив простынку и морщась от боли, я прямо на ходу замоталась в нее, словно в кокон. Шла как робот, еле-еле переставляя ноги. Вокруг все качалось в разные стороны, так что мне приходилось старательно держать равновесие. Наконец достигнув

намеченной цели (а именно голубой двустворчатой двери в центре стены), я облегченно всхлипнула и... буквально ввалилась во встроенный шкаф.

– Не-е-ет, – вырвался из моей груди горестный стон.

Сил на новый поход не осталось. Устало облокотившись на стенку, я обреченно смотрела, как со скрипом закрывается створка двери.

Я оказалась в шкафу.

Сбежать не вышло.

Подбодрить меня оказалось некому, так что пришлось делать это самой: «Нужно просто оттолкнуться и быстро-быстро идти. У меня все получится. Я смогу. Я...»

Настойчивый резкий стук по деревянной поверхности прервал ход моих мыслей. Следом послышался скрип дверных петель и голоса. Никогда не понимала, зачем люди стучат, если тут же вваливаются внутрь, не дожидаясь разрешения войти.

Некоторое время стояла оглушительная тишина. Помня слова Октавии, я даже дышать боялась, понимая: за мной пришли убивать.

– Доктор, – спокойный мужской голос разрезал тишину в палате, – можно вас на секунду?

– Да, конечно.

В коридоре раздались торопливые шаги, и вскоре голос второго мужчины прозвучал намного ближе. Рядом с моим шкафом.

– Простите, а где пациентка?

– Это я у вас хотел спросить, ГДЕ ПАЦИЕНТКА? – На этот раз первый вошедший терпения не проявлял. – Кто-то посещал ее до меня?

– Н-н-нет, – неуверенно промямлил доктор, – никто. К ней запрещено...

– Тогда, возможно, она сама выходила куда-то? Или ее увезли на процедуры? – не отставал первый.

– Никаких процедур, – запротестовал доктор. – Все необходимое уже сделано.

– Значит, она сама ушла?

– Нет, количество влитых лекарств не позволило бы ей очнуться, не то что идти куда-то самостоятельно. Она сейчас должна быть абсолютным овощем...

«Сам ты... редиска», – злорадно подумала я, стараясь подавить приступ невероятной слабости и держать глаза открытыми.

– Овощ? – переспросил первый мужчина, отчаянно желающий со мной встретиться. – Серьезно? Ну так вот, товарищ садовод: если через пять минут вы не найдете эту вашу растительность, я за себя не ручаюсь. Мы поняли друг друга?

– Простите! Конечно! Минуту... – Горе-врач говорил громко и, судя по звукам, пятился прочь от моего шкафа. – Сейчас найдем ее. Она не могла далеко... Оксана-а-а-а! А ну бегом ко мне!

Доктор скрылся.

Я осталась в шкафу. Незванный гость громко сплюнул, пробубнил что-то себе под нос и тоже поспешил удалиться из палаты. Видимо, решил поискать «растительность» сам.

Затягивать дальше я не стала. Мужественно толкнув створки двери, открыла шкаф и... выпала на пол. У-у-у, больно как! Руки и ноги саднило, ребра болели, а в затылке поселился какой-то садист. Он беспощадно сверлил мой мозг и требовал впасть в беспамятство.

Никогда в жизни не пробовала запрещенные вещества, но сейчас, пока ползла по палате к входной двери, мне казалось, что именно так чувствуют себя несчастные одурманенные. Маршрут, проложенный мной, оказался неверен в расчетах: лбом я уперлась не в дверь, а в стену. Чертыхнувшись, сделала небольшой перерыв, подавляя непрошеные слезы. Жалость к себе была почти такой же сильной, как любовь к жизни. Спустя какое-то время, раскачиваясь и нервно хихикая, я поднялась в полный рост и пошла, опираясь на стенку.

И первая победа была достигнута!

Оказавшись за очередной дверью, я шумно выдохнула и позволила себе немного задержаться, вспоминая, где пресловутое «лево». Именно туда велела бежать Октавия. Благо в коридоре было пусто. Похоже, сегодня высшие силы все-таки были на моей стороне.

Завернув в нужном направлении, я сделала над собой усилие и пробежалась, чуть не переломав ноги на трехметровой дистанции.

«Овощ и есть, – подумала я про себя, горько усмехаясь и подтягивая развязавшуюся простыню как можно выше, – но так просто им меня не разгрызть!»

А дальше мой боевой настрой ждало новое испытание.

В той самой палате, где мне обещали спасение, было тихо и до головокружения воняло лекарствами, а единственным человеком, кроме меня, обнаружилась Октавия. Женщина лежала на узкой одноместной кровати, и со стороны могло показаться, что она просто спит. Только вот грудь ее больше не вздымалась в такт дыханию.

Провидица умерла, как только сделала последнее предсказание.

Я тихо всхлипнула.

– Все кончено, – пробормотала и закусила губу от отчаяния. Во рту появился солоноватый привкус крови. Он немного отрезвил, но сил не придал.

Не успела! Я беспомощно осела прямо на пол и дала волю слезам.

– Проклятый Горан, отрастил, зараза, ноги! – сорвалось с моих губ. – Ушел раньше. Мерзкий гад! Сволочь! А мне теперь погибай без него!

– Ну, допустим, я часто слышу подобное, – раздался удивленный голос позади меня.

От страха я замолчала и окаменела.

– Я о той части, где вы перечисляете проклятия в мой адрес, – продолжил он. – А вот про гибель хотелось бы подроб-

ностей.

В следующий миг передо мной присел на корточки мужчина.

Я вперила в него изучающим взглядом. На вид ему было лет сорок. Может, немного больше. Хотя... если побрить и причесать, то, может, и меньше. Из тех, кого моя подружка Мила называет «брутал до мозга костей». Такой себе крепкий, самоуверенный, не из смазливых красавчиков.

Темные волосы незнакомца давно требовали встречи с парикмахером, двухдневная щетина опутывала изогнутые в ироничной ухмылке губы, а темно-серые глаза смотрели пристально, изучающе.

Одет он был в темный плащ поверх несвежей на вид белой рубашки. Почему-то мое воображение тут же дорисовало мужчине окурки в зубах, от которого исходил тлеющий дымок. Брр...

– Не нравлюсь? – правильно понял мою реакцию незнакомец.

– Вы Горан? – уточнила я, игнорируя его вопрос.

– Он самый. – Мужчина приподнял бровь и слегка пригнул голову в знак приветствия. – А вы?

– Ольга, – расстроено прошептала я.

Нет, конечно, я была безумно рада своему спасению! Но совершенно не представляла, как убедить этого... необычного мужчину взять меня с собой.

– Мне казалось, еще минуту назад вы горели от нетерпе-

ния встретиться со мной, – заметил мой новый знакомый, с интересом продолжая за мной наблюдать. – А теперь в ваших глазах печаль. Или это брезгливость? Обидно, честное слово.

– Я огорчена, – кивнула, не собираясь лгать.

– Чем же? – Он принял более расслабленную позу, будто и впрямь устраивался поудобнее, дабы поговорить со мной по душам.

– Видите ли, – начала было я, но тут же осеклась, услышав громкие шаги позади.

Кто-то вошел в палату. Понимая, что сил не осталось даже на то, чтобы обернуться, я испуганно округлила глаза и шепотом спросила Горана:

– Кто там?

Брутал если и удивился моей реакции, ничем себя не выдал. На мгновение переведя взгляд вверх и вправо, он неприязненно скривился и вернул все свое внимание мне:

– Там Зуев, – констатировал мой новый знакомый. – Может, вы и его ждали, Ольга?

– Нет! – Я сделала огромное усилие над собой и, вцепившись одной рукой в норовившую соскользнуть простыню, второй схватила Горана за грудки, еще больше смяв тому рубаху. Потянув мужчину на себя, горячо зашептала: – Мне вообще кроме вас никто не нужен. Понимаете?

На этот раз Горан не остался равнодушным. На его лице отразилось удивление.

– Она под действием лекарств, – подал голос стоящий позади мужчина. Причем тот самый, из моей палаты, который пугал доктора, требуя немедленно достать для него овощ. – Не стоит ее слушать, и тем более вести с ней беседы. Сегодня бесполезно.

Снова раздались шаги и подозрительное шуршание, после чего к моей спине прикоснулись чьи-то руки.

Мне пытались помочь встать.

Тело едва подчинялось, да и голова соображала просто ужасно, но последние слова провидицы держали меня в сознании. Во что бы то ни стало я должна навязаться к Горану в спутники!

Поэтому я передернула плечами и с силой рванула вперед. К спасению.

Такой прыти от меня, похоже, никто не ожидал. Руки Зуева непроизвольно разжались, и в следующий миг я налетела на своего сильного смелого брутала.

Он сдавленно охнул, но принял свой крест (в виде сильно побитой и неадекватной меня) очень достойно. Нет, ну выругался, конечно, причем витиевато и забористо, но не бросил! Поймал, а потом и поднялся вместе со мной.

– Не отдавайте меня, – прошелестела я.

Честно говоря, даже не понимала, сумела ли произнести все вслух и разборчиво, но очень старалась.

Горан недовольно хмурился и буравил злым взглядом то свое неожиданное счастье – меня, то Зуева, явно ожидая хоть

каких-то пояснений.

– Я же тебе сказал, она на лекарствах, – как само собой разумеется, пояснил тот. – Шеф сказал притащить ее в отдел, чтобы попытаться выжать что-то из воспоминаний о гибели Октавии.

Выслушав последние слова Зуева, Горан сильно напрягся и оглянулся на тело провидицы. Секундное замешательство и вновь меня пронзает взгляд серых глаз. На этот раз холодный и решительный.

– Так ты та самая шестая жертва? Из парка? Дамочка с золотыми часиками?

Я собралась с силами и моргнула. На большее уже не была способна. Меня обуревало отчаяние.

«Если сейчас Горан отдаст меня своему коллеге (а я подозреваю – мои новые знакомые работают вместе), то все! Пиши пропало!» – думала я, пытаюсь пошевелить руками, чтобы снова вцепиться в мятую рубашку. Из последних сил открывая пересохшие губы, шепнула:

– Октавия.

– М-м-м?

«Какой же он тугодум!»

Это были последние более-менее толковые мысли, сформировавшиеся в измученном мозгу. Дальше темнота, полная страха... Очнусь ли я снова? Или это конец?

Нир Горан Вук

– Октавия, – прохрипела девчонка, пронзив меня взглядом, и отключилась прямо у меня на руках.

Оглядевшись по сторонам, я решил переложить ее к Октавии под бочок. Если поразмыслить, в этом не было ничего дурного: провидице уже все равно, а девчонка в своем нынешнем состоянии ничего не понимала и возразить не могла при всем желании.

– Горан, ты что творишь? – запротестовал Зуев, увидев, как я пристраиваю свою нелегкую ношу на единственную кровать в помещении. – Это... Это... Так нельзя! Октавия мертва!

По инерции я перестроил зрение и бросил взгляд на провидицу.

Да, все признаки «на лицо»: глаза потеряли былое сияние, тело вытянулось, аура совершенно потухла. Пустышка. Зато девчонка рядом с ней переливалась всеми цветами радуги. Я замер, рассматривая ее.

Кажется, кто-то наглотался не только лекарств, но и чужой силы. И что она там несла про Октавию? Это уже интересно.

– Камил, – я медленно обернулся к Зуеву и пристально посмотрел ему в глаза, – какими судьбами ты оказался в палате жертвы раньше меня?

Парень недовольно скривился:

– Только давай без этого, Горан. Начальство говорит – я делаю. Кенни сообщил, что их нашли. И труп, и Октавию, и эту дамочку. Велел всем быть настороже. Уже известно, что Псих зачем-то наплатил своей силой левого мужика не первой свежести. Теперь выясняют, кто ритуал проводил и как вышли на Октавию. Получается, предыдущие жертвы были только разминкой. Короче, ситуация принимает серьезный оборот. Вот я и приехал...

– Это мое дело, – напомнил я.

– Никто не собирался отнимать у тебя дело! – Камил нервно закинул руки за голову и осмотрел палату, остановив взгляд на лице нашей свидетельницы. – Я приехал забрать ее. Нужно присмотреть за девчонкой, ну и спросить кое-что, если получится. Не смотри на меня так, Горан! Октавия была в моей команде, и я хочу участвовать в расследовании, это мое право!

– Твое право валить отсюда, пока я не сообщил Кенни, что ты пытался вывезти моего основного свидетеля в неизвестном направлении.

– С этой девчонкой не все чисто! Удивительно, как она вообще здесь оказалась без охраны, – не слушая меня, продолжал Зуев. – Я осмотрел ее вещи – там все в крови и жадосе. Она могла сама измазать себя и встать во главе ритуала, Горан! Тогда...

– Тогда после допроса по всей форме Кенни сообщит тебе об этом. А пока я ее забираю. Отвезу к нам в отдел, пусть ее

осмотрит Урвик. И нет! Со мной ты не пойдешь, занимайся своими делами.

Что ж, придется корректировать планы на ходу.

– Горан, ты меня не слышишь! – надрывался Камил.

– Пошли, Ольга, прогуляемся. Хватит мешать тете Октавии. – Подхватив тело девушки на руки и сделав непроницаемое лицо, я прошел мимо злого как черт Камилы, бросив тому на ходу: – Увидимся в отделе, парень, и давай без глупостей.

– ...нах... – донеслось до меня, прежде чем дверь в палату захлопнулась.

Оглядываться я не стал, и без того затылок дымился от прожигающего взгляда. Права была Октавия, нужно оберег какой-то нацепить. Хотя я тоже был прав: ей-то они не сильно помогли.

Остановившись рядом с сестринским постом, я с интересом уставился на полную грудастую девицу в белом халате. Она стояла ко мне полубоком, приподнявшись на носочки, и искала что-то на верхних полках стеллажа. Средних лет, брюнетка, с колечком на безымянном пальчике.

Мои губы невольно растянулись в улыбке, а глаза снова устремились к часто вздымающейся груди. Эх, отвлечься бы на хорошую и ни к чему не обязывающую беседу с этой красоткой... Хотел уже подкатить к медсестричке, но тут недоумение на моих руках шевельнулось.

Взглянув на Ольгу, я помрачнел: ну вот как можно быть

такой мелкой и костлявой и при этом столько весить?

– Что вы делаете с пациенткой? – Сестричка обратила на меня внимание и стремительно приблизилась. – Куда вы ее тащите? Верните на место!

– Хотелось бы, но не могу, – с прискорбием сообщил я. – Мне бы вещички ее забрать, красавица, а то очнется – нервничать будет.

– Вы ее муж? – Женщина заметно смягчилась после ласкового обращения, но до полного взаимопонимания нам было еще далеко.

А времени, как всегда, в обрез. Жаль.

Тяжко вздохнув, я в последний раз с тоской осмотрел собеседницу, сосредоточился и снова повторил просьбу, добавив в нее толику своего дара.

– Вещи Ольгины принеси мне, солнце. И карту ее давай сюда. Одна нога здесь, вторая там.

Зрачки медсестры расширились, дыхание участилось, на миленьком личике появилось абсолютно безучастное выражение... Процесс пошел.

Уже через две минуты я вместе с довеском в виде очень тощей девчонки и ее шмоток покидал министерскую клинику. Голова начала нещадно болеть: не зря Урвик запретил пользоваться внушением хотя бы несколько дней.

Погрузив Ольгу на переднее сиденье, я поправил на ней простыню, сел за руль своего потрепанного автокара и на минуту задумался: следовало решить, куда направиться сначала.

ла. Очень хотелось лично осмотреть место последнего преступления, возможно, даже тело того несчастного зомби удалось бы увидеть. Но, с другой стороны, Зуев наверняка рванет в отдел и будет караулить там, пока я не привезу свидетеля. Может и панику навести.

– Свалилась же на мою голову... – Прикуривая, снова глянул на костлявое недоразумение рядом. Девчонка выглядела ужасно потрепанной: русые волосы сбились в неряшливую копну, руки украшали многочисленные синяки и ссадины, ноги забинтованы, плечи и лицо покрывал слой грязи.

Вспомнился ее вид, когда она навалилась на меня в палате Октавии: в огромных глазах плескались ядреный страх и перемешку с надеждой.

«Не отдавайте меня», – словно наяву повторилось у меня в голове.

По спине пробежал озноб. Я откинул голову и задумался. Она произнесла имя Октавии. И приползла к ней в палату, переливаясь силой, как новогодняя елка. Отняла? Вот эта блондинка – сообщница Психа?

Посмотрел на нее снова. Не похожа она на расчетливую убийцу. Или я ошибаюсь?

– Ладно, сначала Урвик, – пробормотал, решаясь. – Пусть приведет в порядок это чудо в простыне. Дальше посмотрим.

Автокар завелся только с третьего раза. Неприятно, но факт: тачке снова нужен ремонт.

– Радио, – проговорил я, выпуская кольцо дыма, – станция

«Зея. Неспящий город». И погромче.

Тишина.

Похоже, техника сегодня тоже против меня. Хреновый день, хреновые знакомства. Ольга чихнула во сне, подтверждая: хорошего ждать не стоит.

Спустя десять минут я выезжал на центральную улицу Зеи. До отдела оставалось чуть больше пяти километров, как вдруг чертова девка подпрыгнула на месте и начала протяжно скулить. Одновременно с ней ожило радио, обрушивая в салон тяжелый рок.

Не сказать, что меня легко вывести из себя, но в тот момент очень захотелось успокоить Ольгу на веки вечные.

– Радио выключить! – приказал я, перекрикивая популярного рокера и истерившее недоразумение с соседнего сидения. – Что за фигня, Оля?!

Резко вильнув вправо, я притормозил и зло уставился на раскачивающуюся из стороны в сторону девчонку. Она обнимала себя за плечи и не затыкалась ни на секунду.

– Болит что-то? – попытался пробудить в себе человечность я.

Потянулся к ней, но девчонка дернулась и ударилась головой о стекло.

– Ты что, идиотка? – сорвался я.

– У-у-у-у, – было мне ответом.

– Я понял. Нужно было карту твою еще в больнице посмотреть. Сам виноват. Твою ж мать! – Нервно растерев

уоставшее лицо ладонями, я постарался взять себя в руки и, решив быть терпимей с жертвой обстоятельств, снова повернулся к ней лицом. И тут меня пробил озноб.

Ольга, выпрямив спину, сидела на прежнем месте и следила за мной глазами, в которых полностью отсутствовал зрачок. Белки на месте. А зрачков нет как не было. Закатились вверх.

Очень сильно захотелось выйти из кара и найти Зуева. Хочет ее забрать – пожалуйста, кто против-то?!!

Стонать девчонка не переставала, скорее даже наоборот: звук, рвущийся из ее глотки, нарастал с каждой секундой. Какое-то время я упорно молчал. (Просто не знал, что говорят в таких случаях.) Однако когда моя новая знакомая начала переходить на ультразвук, пришлось действовать.

– Оля, надо успокоиться, – попросил я.

Она не затыкалась, отвечать тоже не спешила.

Мой взгляд невольно метнулся к заднему сиденью, где все еще валялась изъятая у одного козла дубинка. Пришлось с силой мотнуть гудящей от боли головой, чтобы отогнать мнящее видение решения всех проблем одновременно.

– Слушай, – прочистив горло, я повысил голос, – да послушай же меня, ты! Как тебя там! Оля... Оля!

Она затихла мгновенно. А потом заговорила загробным голосом:

– Вмешиваться нельзя! Мне так жа-а-аль, но время пришло-о-о-о-о...

– Так, я вызываю скорую, и мы прощаемся. Время пришло, это точно. – Я потянулся к тачфону, но на мою руку легла ее. Бледная, ледяная.

– Кар набрал скорость, – проговорила Ольга, переведя слепой взгляд куда-то мне за спину. – Остановиться не выйдет. Камил не знает слова «осторожность», не знает слова «нет», как не знаешь его и ты, Нир! Как мне жаль.

Ее рука соскользнула с моей.

Я замер, лихорадочно соображая, что именно услышал. Нир – это мое имя. Не кодовое, а то, что дала мне мать при рождении. Мало кто из моих нынешних знакомых знал о нем, я и сам, признаться, его подзабыл. Девчонка же, словно почувствовав мой интерес и готовность продолжить беседу, тут же замолчала и обрушилась назад на сиденье, прикрыв жуткие очи.

Да она издевается!

Внезапно позади раздался душераздирающий скрежет, затем протяжный, ни с чем не сравнимый скрип. Завершил все лязг металла о парапет разделительной полосы.

Я, словно в замедленной съемке, обернулся влево и проводил взглядом дорогой черный автокар, буквально разрезающий собой ненадежную преграду.

«Зуев, – отметил мой мозг на автомате, – а за ним мокрый след от топлива».

Дальше все смешалось. Помню, как мчался к обезображенному куску металла. «Только бы успеть, только бы жи-

вой», – думал без остановки. Перепрыгнув через вырванную с мясом дверцу, наконец подобрался к искореженному кару и заглянул внутрь.

Камил был еще в сознании и слабо стонал. В последний момент он успел прижаться к рулевой колонке, однако это не сильно ему помогло. Откинув голову парня назад, я позвал его по имени. Он оглянулся на меня и уставился невидящим взглядом.

По лицу Зуева одна за другой стекали струйки крови, бровь сильно рассечена, нижняя губа разорвана пополам.

– Камил, нужно выбираться, – проговорил я, пытаюсь освободить его от ремня безопасности. – Слышишь, парень?

Ноль эмоций. Снаружи что-то зашипело. Нехорошо. Придется снова применить убеждение. Я посмотрел в остекленные глаза и проговорил уверенно:

– Камил, у тебя ничего не болит, ты чувствуешь себя замечательно. Подними правую ногу и перекинь ближе ко мне. Отлично. Теперь левую. Твою ж мать!

Из второй ноги, которую Зуев безразлично высунул наружу, торчала кость. Ничего, он справится, или мы оба вот-вот взлетим на воздух. Чертова голова буквально разваливалась на части от боли. Продержаться бы несколько минут, большего не нужно.

Схватив парня за поясницу и подхватив под колени, с силой потянул его на себя, вытаскивая через пассажирское сиденье. Сбоку снова что-то лязгнуло и зашипело.

– Беги, мужик, сейчас рванет нах!.. – закричал кто-то сердобольный со стороны.

Бежать я уже не мог. От головной боли мутило, все вокруг поплыло.

– Я возьму его за ноги. – Незнакомый голос из-за спины заставил меня обернуться и изумленно застыть на мгновение.

Парень в рваных джинсах, с зеленой шевелюрой и с накрашенными черными глазами протянул руки и кивнул, подбадривая:

– Скорее, братух, потом знакомиться будем!

Вместе мы успели отойти примерно метров на семь-восемь, не больше. Камил все это время тихо приговаривал, что у него совсем ничего не болит. Потом раздался оглушительный взрыв. Последнее, что я разглядел перед тем, как отключился – зеленое пятнышко, плавно перекрашивающееся в красное.

ГЛАВА 3

Ольга Кир

Сон был чудесный! Я, вся при параде, кружилась в танце с единственным и неповторимым, излучая любовь и гармонию! Волнами от меня исходило счастье, все вокруг улыбались и аплодировали самым красивым молодоженам на всем Эрконе.

И вдруг музыка стала затихать, а люди вокруг – расходиться. Резко похолодало: откуда ни возьмись налетел порывистый ветер, уничтожая мою безупречную прическу! В безоблачном небе громыхнуло, и тут же сверху полился проливной дождь, смывая с моего лица макияж, забирая остатки тепла.

Не понимая, что происходит, я прижалась плотнее к любимому и заглянула в его карие глаза, чтобы зачерпнуть оттуда уверенности и отогреть окоченевшее тело. И вдруг Мирос (всегда такой безукоризненно вежливый и галантный) прокричал мне в лицо совершенно не своим голосом:

– Да отлепись же ты от меня, чума болотная, дышать и так нечем!

Резко распахнув глаза, я непонимающе заморгала. Вокруг

все расплывалось, очертания любимого таяли, превращаясь в крупного мужика с многодневной щетиной на изможденном лице!

– Мамочки, – прохрипела я, осознавая, что он вытаскивает абсолютно голую меня из ванной с какой-то вонючей желтой субстанцией. – Пустите! А-а-а-а!

– Тьфу, нах... – Руки скривившегося от моего вопля гримлы внезапно разжались.

Меня уронили назад в зловонную жижу. Ни оптимизма, ни радости это не придало! Едва успела дыхание задержать, чтобы не наглотаться гадости! Брыкаясь руками и ногами, я выкарабкалась наружу, отчаянно отплевываясь, нещадно растирая глаза и нервно стряхивая с себя желтую слизь. Рядом матерился тот, кто меня разбудил, поминая демонов, мою маму и, как ни странно, проклиная нашу встречу.

Удивительно, ведь я совершенно ничего не сделала этому человеку, скорее наоборот!

– Что случилось, Горан?

Приятный мужской голос нового действующего лица заставил меня замереть, а затем резко прикрыть руками стратегически важные места и оглядеться.

Небольшая ванная, в которой я сидела находилась в чистой прямоугольной комнате, отделанной белой плиткой. (Ну, если не считать забрызганных мною стен, пола, раковины и... очень злого мужика.) Его звали Горан.

Наконец я вспомнила.

Ужас сковал по рукам и ногам, в горле появился комок. Я ведь чуть не погибла. Октавия говорила, что это предрешено, если только не навяжусь в спутницы к Горану. Значит, он все-таки прихватил меня с собой – это радует. Но вот куда притащил и кто этот второй тип с лохматой рыжей шевелюрой, толстенными очками и в белом халате?

– Вот что случилось! – тем временем пророкотал тот, чьей тенью я должна была стать, и ткнул в меня указательным пальцем. – Эта костлявая...

– Горан! – Все тот же мужчина в длинном белом халате неприязненно поморщился, поправил очки и осуждающе покачал головой, уже спокойнее добавив: – Иди в душевую, отмойся. Я сам объясню нашей гостье, что к чему, и приведу ее в твой кабинет.

– У вас десять минут, – недовольно сообщил громила, бросая на меня беглый взгляд, полный презрения.

Я постаралась как можно дружелюбнее улыбнуться. Он ускорил шаг, убегая в сторону двери.

Кажется, мне нужно зеркало. Я перевела взгляд на рыжего лохмача, тот с интересом меня разглядывал. Ну вот, нормальный мужик. Я хоть и грязная, пропитанная жутким запахом, но все же женщина с весьма неплохой фигурой. Хотя от зеркала все равно не откажусь.

– А можно и мне в душевую? – заискивающе пропищала я, понимая: наше молчание затянулось.

– Э-э-э... Конечно. Только очень быстро, время не терпит,

знаете ли, – кивнул он. – Меня зовут Урвик. Пиар Урвик. Я начальник отдела криминалистики и некромантии. Но народу, знаете ли, ужасно не хватает, вот и приходится многое делать самому. Ваши болячки мы здесь подлатали с помощью жадоса.

Я с омерзением посмотрела на вонючую жижу в ванной.

– Да, это она. – Урвик улыбнулся. – Вам не нравится запах? Понимаю. Но на самом деле жадос очень полезен. Именно он помог вашему телу регенерировать в разы быстрее обычного. Но общая слабость очень скоро даст о себе знать. Поэтому для начала вам нужен легкий душ, затем быстрая беседа и баиньки. Сегодня я вас мучить не дам.

– Огромное спасибо! – Подарив новому знакомому благодарную улыбку, я приняла его руку (мужчина даже глазом не моргнул, когда я его перепачкала, выползая из ванны) и осторожно пошла за ним следом в соседнее помещение.

Благо в коридоре, через который мы двигались, никого не было.

– Вторая кабинка ваша, – оповестил меня Урвик, зачем-то подергав ручку первой двери. Там громко лилась вода. – И помните: не больше трех минут. В углу шкаф с чистыми полотенцами и халатами. Хотя... Сейчас я сам повешу их вот сюда...

Кивнув, я нырнула в открывшуюся кабинку и быстро закрылась.

Вода! Чистая, теплая, освежающая! Что может быть луч-

ше? Намылившись с ног до головы, я некоторое время нещадно оттирала тело ладонями. Затем вымыла волосы, ну а после просто подставила лицо под живительные струи и замерла от удовольствия.

– Але! – раздалось из-за стенки слева. – Напор горячей поубавь! Здесь еще люди моются! Холодно!

И до того это был знакомый голос! Припомнив, как несколько минут назад пришлось нахлебаться желтой мерзости по его вине, я, не успев даже подумать над тем, что делаю, совершила-таки маленькую пакость: на десяток секунд отвернула душ в сторону и врубил горячую воду на полную катушку. Рядом что-то ухнуло, потом раздался грохот падающих мыльных принадлежностей и громкий шлепок. Будто крупное тело упало на мокрый кафель.

– Су... Мать... Кому там, нахрен, жить надоело?!

Я вздрогнула.

Честно говоря, не думала довести бедолагу до падения! Ледяная вода должна бодрить, а не пугать.

Отключив водичку, я быстро приоткрыла дверцу, нащупала оставленные Урвиком вещи, вернулась и снова закрылась. Вытершись, накинула на себя белый медицинский халатик. Прислушалась – снаружи и сбоку было очень тихо. Почему-то совсем расхотелось выходить, а хорошее настроение медленно сменялось на нехорошее предчувствие.

И дернул же меня черт баловаться, как дитя малое! Ладно, не убьет же этот Горан, право слово!

Надев на лицо непроницаемую маску, я резко открыла дверцу душевой и смело шагнула наружу.

– Убью, – тихо проскрежетали рядом.

Горан появился передо мной здоровенный, злющий.

– Мама! – выпалила я, глядя в светящиеся злостью серые глаза и отступая. Опомившись, остановилась и принялась врать: – Я просто перепутала кран...

– И что, дочка, сильно кипятком обожглась? – прошипел разъяренный Горан.

Шагнув ближе, верзила навис надо мной. Да он же почти на две головы меня выше! Несколько секунд я, опасливо скосив глаза на сжатый кулак нового знакомого, искренне считала, что меня впервые в жизни побьют.

Но нет. Трижды громко вдохнув и выдохнув, Горан отступил и зачем-то поправил на мне воротник халата. Затем отряхнул плечи от невидимых пылинок. А потом очень тихо, почти ласково проговорил:

– Беги, Ольга, пока не прибил.

Не люблю, когда незнакомцы с советами лезут, но к его словам почему-то сразу решила прислушаться. Я не побежала, но пошла быстро-быстро.

На выходе из коридора меня, как и обещал, ждал Урвик.

– Почти десять минут, дамочка, – недовольно пробубнил некромант, – вот поэтому я и не беру женщин к себе в отдел. Дисциплины – ноль. Ладно, наденьте шлепанцы, уж какие есть, и пойдем. Нас шеф ждет.

– И меня?

– Да.

– А шеф у нас кто? – поинтересовалась я, обувшись в резиновые черные шлепки и с трудом поспевая за длинноногим лохмачом.

– А шеф у нас очень серьезный и пунктуальный мужчина в самом расцвете сил, – тут же охотно пояснили мне. – И давайте не будем его провоцировать на вымещение этих самых сил на простом некроманте и не менее простой жертве обстоятельств. – Тут на меня бросили многозначительный взгляд из-под очков. – Поторопитесь, Ольга, прошу вас.

Бегу, бегу, мой хмурый товарищ...

Вопросов у меня в голове созрело прямо-таки огромное количество, но почему-то никто не стремился на них отвечать. Зачем, например, я понадобилась этому самому «шефу»? Что это вообще за организация? Не та ли «контора», где работает Мирос? Почему в моей памяти помимо больницы всплывает видение, словно я кричу, а потом взрывается чей-то автокар? Кем была Октавия Лонг? И почему я знаю ее полное имя?..

– Слишком громкое и сумбурное мышление. – Урвик остановился у дубовой двустворчатой двери с надписью «лаборатория номер три» и слегка поморщился. – Даже голова от вас разболелась, дамочка. Позвольте мне немного помочь? Расслабьтесь и медленно перемотайте события той злополучной ночи назад. С того момента, когда вас схватили.

Мои способности в телепатии хоть и весьма незначительны, но прояснить некоторые детали я вам помогу.

Замерев рядом с долговязым и разглядывая его с возросшим интересом, я пыталась осознать невероятную вещь: этот мужчина утверждает, что умеет читать чужие мысли! Конечно, мне не раз приходилось слышать: телепаты реально где-то существуют. Но поверить в то, что вот он, здесь, прямо перед тобой – тяжело. По крайней мере, раньше никто из моих многочисленных знакомых не хвастался, что обладает подобным талантом... Ну, на трезвую голову – никто.

– Ольга, вы совершенно не цените ни свое, ни чужое время, – Урвик нервно растрепал свою и без того лохматую шевелюру и нервно оглянулся на дверь за своей спиной. – Я действительно могу читать мысли, особенно если их так громко озвучивают. У вас куча вопросов, а у меня есть ответы. Давайте-ка, поднатужьтесь и покажите мне быстренько, как оказались на месте происшествия?

Я пожала плечами и кивнула. Почему бы и нет? Покажу, может, это действительно поможет что-то прояснить?

...Итак, вечер в клубе, звонок Миросу, потом мой побег в парк... Долгая дорога. Истошный крик Октавии...

– Почему не заходите?

Конвульсивно вздрогнув, я попыталась сфокусировать помутневший взгляд и уставилась на голый мужской торс. Мускулистый. С рельефами. Оказывается, Горану есть что показать впечатлительным барышням вроде меня.

Благо хоть на бедра он додумался повязать полотенце.

– Она сильно на взводе, – тем временем заговорил Урвик, – я хочу помочь ей успокоиться перед тем, как показываться на глаза шефу. Нужно привести мысли в порядок.

– Мысли? В порядок? Ей это не поможет. – На меня бросили красноречивый, полный презрения взгляд, но ответить не дали. – Кенни заждался. Даже отсюда чувствую вспышки праведного возмущения. Идемте.

Меня весьма пренебрежительно подтолкнули вперед, предусмотрительно открыв дверь.

Я подавилась возмущениями, оставив их все на потом.

А перед нами открылся небольшой стерильный кабинет с белыми стенами. Голубые шкафчики и стеллажи вдоль стен, несколько каталок со столиками на колесах и небольшой кожаный диванчик в углу. Именно там и примостился так называемый «шеф».

Тут меня ждал очередной сюрприз. Судя по покрытым чешуйками скулам, очень смуглой коже, черным глазам и черной же шевелюре, мужчина являлся выходцем из Реинтора, закрытого материка Эркана. Небольшого росточка, довольно-таки щуплого телосложения и при этом с несгибаемой силой во взгляде.

И смотрел он на меня.

Я невольно задержала дыхание – сила местного шефа подавляла. Немного справившись с собой, бегло его осмотрела. Костюмчик, несомненно, жуть какой дорогой, ботинки

стоят моей годовой зарплатой, прическа – волосок к волоску, ну а часы от ультрамодного бренда просто-таки добились: лишь элита Эркана могла себе позволить выглядеть подобным образом. Неужели здесь такие хорошие зарплаты? Тогда это явно не государственное учреждение...

– Рад, что вы все-таки пришли, – донеслось до меня с диванчика. И, честное слово, в этом голосе можно было слышать что угодно, но не радость. – Уже, если честно, и не ждал.

– Неприятности застали в пути, – беспечно пожал широкими плечами Горан, которого, кажется, единственного не придавило удушающей силой реинторца.

– Подробнее.

– Девчонка оказалась непростой. – Горан кивнул в мою сторону. – Похоже, она не только силы Октавии наглоталась, но и мутировала слегка.

В повисшей следом тишине было слышно, как я гулко сглотнула. Затем щелкнула зажигалка, и мой разговорчивый спаситель закурил, с явным наслаждением втягивая в себя порцию никотина.

– Где Зуев? – снова заговорил их шеф, при этом внимательно разглядывая мое вытянувшееся от изумления лицо.

– Все еще в жадосе отмокает, – невразумительно пробормотал Урвик, старательно отводя взгляд от начальства. – И второй тоже там. С зеленой шевелюрой.

Горан с прищуром посмотрел на ссутулившегося коллегу

и выпустил очередную порцию дыма, сопровождаемого словами:

– Да, во время аварии мне помог «ящер». Возможно, он из беглых. Как оказался на месте происшествия не могу сказать, но это было чертовски вовремя.

– Хорошо. – Кенни легко поднялся с насиженного места и пружинистой походкой направился ко мне.

Я хотела попятиться, но не смогла.

– Жду через десять минут подробных отчетов от вас обоих – говорил шеф, гипнотизируя меня взглядом. – Ящера, как только придет в себя, сразу ко мне. А вас, Ольга, выслушаю лично. Сейчас.

Меня слегка затрясло. Оставаться наедине с этим мужчиной совершенно не хотелось. Его сущность давила, угрожая оставить пустоту там, где сейчас в истерике метался мой несчастный мозг.

Но выбора мне не оставили.

Тихо закрылась дверь за вышедшими мужчинами. Урвик покинул помещение последним, умудрившись одарить меня каким-то тоскливым взглядом. Что он хотел этим сказать – понятия не имею, но волосы у меня на затылке нервно зашевелились. Оставшись стоять посреди лаборатории, я поежилась от колючего взгляда и судорожно поправила воротник халата. Совсем как делал это Горан недавно.

Захотелось сбежать и снова напиться. Странно, раньше я вообще не страдала любовью к спиртному.

– Итак, – подал голос начальник неизвестной мне конторы, прерывая мои сумбурные мысли, – давайте поговорим о нас.

Я удивленно вскинула правую бровь и немного визгливо переспросила:

– О нас?

Мужчина тоскливо вздохнул:

– Конечно. Я должен все знать о человеке, отнявшем дар у моей лучшей сотрудницы. О человеке, который теперь сам хочет у меня работать.

– Кто хочет? Я?! – Шире мои глаза еще никогда не открывались.

– Вы, вы. – Он слабо улыбнулся, будто наслаждаясь произведенным его словами эффектом. – Прежде всего, я должен представиться. Мое имя Гер Кенвуд Асхаров, начальник федерального отдела профилактики магических преступлений, урожденный реинторец.

Вот как. Тогда понятно, откуда у них телепаты в штате. А вот с золотыми часиками с алмазной крошкой внутри – загвоздка. Взятки берем или на стороне подрабатываем-с?

– Я из древнего рода, Ольга. – Кенвуд усмехнулся, бросив быстрый взгляд на так заинтересовавший меня аксессуар, и добавил со значением: – Очень богатого и знатного. И очень сильного магически.

Я таки проглотила образовавшийся в горле ком и почувствовала, что краснею. Еще один телепат на мою бедную го-

лову?!

– Ну, сравнивать меня с Пиаром Урвиком все же не стоит. Его уровень ничтожен по сравнению с моим. – Кенвуд Асхаров надменно взглянул на меня, видимо, ожидая нового приступа паники. Не дождался (я просто зависла от перегруза информацией), пожал плечами и продолжил: – А вот как некромант и криминалист, он весьма неплох. Но об этом вы узнаете из личного опыта во время службы. Тема исчерпана, к ней возвращаться не станем. Поговорим о вашей роли в нашей истории. Присядьте и расслабьтесь, у меня мало времени.

Не совсем еще понимая, чего именно этот тип от меня хочет, я решила возразить и застыла на своем месте, твердо отстаивая личное пространство. Однако мои ноги ожили сами по себе, и через несколько секунд я очутилась на кожаном диванчике, сложила руки на коленках и преданно уставилась на высокомерно улыбающегося реинторца.

Это было жутко.

Беспомощная, обессиленная, я прекрасно чувствовала, как проникают в мою голову, в мои мысли, нагло воруют воспоминания, не гнушаясь даже самым личным. Мое сознание словно погрузилось в густой вязкий туман, мысли устремились вразброд, выстраиваясь заново, подчиняясь чужой, навязанной извне воле. Сквозь вязкое нечто в голове неслись картинки прошлого (даже детский сад вспомнился и отец, который давным-давно нас бросил). Спустя какой-то проме-

жуток времени туман стал рассеиваться, оставляя ощущение раздражения, тяжести и нравственной апатии.

– Итак, вас зовут Ольга Леонидовна Кир, двадцати шести лет от роду. По складу характера вы – флегматик, – донесся до меня голос ненавистного мужчины, нагло вломившегося в мою голову и продолжающего разбирать меня на составляющие.

– Редко выходите из себя, не склонны к конфликтам...

Это он зря, сейчас я была склонна к конфликтам как никогда.

– Вам свойственны спокойствие, выдержка, иногда вялость, безразличность к окружающим, лень...

Скоро я покажу тебе свою выдержку, гадкий мелкий навозный жук! Надеюсь, ты читаешь мои мысли?!

– Вы медлительны, мимика невыразительна.

Еще бы! На моем лице по-прежнему сохранялась беззаветная преданность, если не сказать: обожание. Потому что тело подчинялось его ментальной команде.

– Одеваться привыкли исключительно в дорогих бутиках. Из близких родственников имеются сестра и мать, однако отношения с ними весьма нестабильны. Отец бросил вашу семью больше двадцати лет назад, не объясняя причин. Жених бросил вас чуть больше суток назад. По образованию вы – специалист по прогнозированию, работаете им же. Недвижимости нет. Любовных привязанностей, кроме жениха, нет. Имеются права на вождение кара с тремя открытыми кате-

гориями. Не курите, не пьете... – Тут Кенни прервался и с ухмылкой взглянул на меня. – Поправочка, не пили раньше. Однако недавно нарушили свои принципы. Будучи в состоянии аффекта, уложили зомби, за которым больше двух недель охотились Зуев и Горан. Случайно вмешались в ход запрещенного ритуала. Как итог – бонусом получили чужие силы. Или увеличили свои. Насколько усовершенствовался уровень ваших способностей как крота после подарка Октавии – пока неясно. Плюс предсказание смерти, сопровождающееся вашими воплями... Возможно, мы получим банши. М-да, Ольга, не зря вы мне сразу не понравились. С вами придется повозиться.

Я сидела молча, оскалившись в «приветливой» улыбке и считая мошек перед глазами. Голова гудела, Кенвуд гундел. И да, он мне тоже сразу не понравился. И с каждой минутой это первое впечатление усиливалось.

Сильные мира сего... Они считают, раз имеют серьезный дар, то могут унижать, проникать куда угодно, брать нахрапом!

– Я запрещаю вам злиться.

Очередной приказ раздался то ли вслух, то ли в моей голове. Надоело это все просто ужасно, захотелось просто лечь и выспаться, а потом проснуться в своей постели. А нет, в моей постели теперь просыпается другая...

– Жалеть себя и проклинать меня, Ольга, тоже прекратите.

В голове воцарилась приятная пустота.

– В целом, вам очень даже повезло. Вы должны это признать, – продолжал разглагольствовать реинторец.

Судя по довольной физиономии, он чувствовал себя превосходно, несмотря на огромное количество затраченной на меня энергии.

Махнув рукой, Кенвуд сообщил:

– Запреты на эмоции снимаю. Свободна.

Злость, жалость, апатия – все смешалось во мне одновременно. Я вскочила с дивана, мотнула головой и едва не расплакалась от боли в висках и затылке. Нетвердой, но решительной походкой ринулась к дверям. Надоел весь этот фарс. Слишком много странного и неестественного пришлось увидеть за последние сутки. Ухожу! Не имеют права держать меня здесь!

– Не советую, – раздалось позади меня.

Я не остановилась, но шаг замедлила, ожидая, что же будет дальше. Снова принудит сесть на диван? Или сразу на колени поставит?

Послышался щелчок зажигалки и недовольный вздох. Еще один закурил. Им что, никто не говорил, что в помещениях не курят? И ладно Горан, мужлан неотесанный, но реинторец-то вроде из аристократии. Аморальные типы.

– Ольга, я вас слышу, – тихо произнес Кенвуд, продолжая портить воздух. – Никто не собирается вас удерживать, и тем более ставить на колени. Я лишь обязан был убедиться,

что вы не сообщница Психа. Большие силы – большая ответственность, и иногда ради важной цели приходится презреть нормы морали. Вы скоро это поймете. Можете идти, куда захотите, вот только...

И тишина.

Гад. Что только?

Я взялась за ручку двери, но не вышла. Пришлось обернуться и изобразить на лице интерес. Кенни покачал головой, затушил практически целую сигарету о каталку и медленно подошел почти вплотную ко мне, сообщая то, что понимала я сама:

– Только Октавия никогда слов на ветер не бросала. А значит, вы погибнете без Горана. Вы хотите жить, Оля?

Хороший такой вопрос. По существу. Сразу уходить перехотелось. Но и идти на поводу у этого морального...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.